

Исаак Манькин

Ави

Роман в стихах

Иерусалим
2014

Исаак Манькин
Ави
Роман в стихах

компьютерный набор:
Вадим Мостославский
графическое оформление:
Лариса Нарезной

отпечатано
в типографии "Ной"
Иерусалим 2014
тел: 02-6250561

Обложка - фрагмент из картины
голл. живописца Винсента Ван Гога (Van Gogh)

© Все права принадлежат автору

*Я помолвлен со словом,
Да и ты, может быть,
Начал жизнь свою снова,
Чтоб строкой ворожить,*

*Мысль моя в ней чтоб пела,
Образ свой обрела,
Рифма мудро и смело
За собою вела*

*Не пленяют сети непризнанья
Мой неподкупный непокорный ум,
Выслушиваю молча назиданья,
Не оставляя своих дум:*

*Всё, что сознание хранит,
Тебе поверю я, листок бумаги,
На нём послушный мой графит
Усполнит гимн, полный отваги*

*"Украдкой время с тонким мастерством
Волшебный праздник создаёт для глаз,
И в то же время в беге круговом
Уносит всё, что радовало нас..."*

В.Шекспир. Сонет 5

Посвящение

*Случайно старую тетрадь
Открыл и стал припоминать,
Писал в волненье что когда-то,
Но жизнь, событиями богата,
От записей тех отвлекла,
К делам суетным увела.*

*Свободен ныне, и по холмам
Гуляет мысль, будто неволью
Скользит по прошлым временам,
А почему – не знаю сам,
Но тени прошлого со мною,
Не знают отдыха, покою,
И чувства будят – их пока не опишу,
Успокоенья не найду.*

*Мне стих сподручнее, чем проза,
Ах скажете – то только поза,
Кокетство тоже, может быть,
Но сам идёт, его я вижу,
Тем самым прозу не обижу,
Она сама не даст себя забыть:
И словно классная недремлющая дама
Даёт всем наставленья, поученья прямо
И строго соблюдает этикет...
Не то проказливый и влюбчивый поэт:
Его свободная строка
Гуляет вольно, иногда
Мысль новую задумчиво привносит,
Но снисхождения не просит.*

*Читатель мой, тебе с почтеньем
И неким внутренним волненьем
На суд свой труд я отдаю –
Приоритет твой признаю.
Не надо вовсе быть пророком,
Чтобы как будто ненароком
Узнать известный силуэт,
Ах, тайны в этом. " . нет,
И не суди ты слишком строго –
Ведь это всё тебе знакомо...
Но как озвучит прошлое поэт?!*

*Писал не я – судьба сама
Мне диктовала письмена.*

*"... Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторённый,
И вправе будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покорённой.*

*Ты слишком щедро одарён судьбой,
Чтоб совершенство умерло с тобой"*

В.Шекспир. Сонет 6

Заря, заря, тебе одной
Вечерней расскажу порой
Историю о давнем друге,
С которым часто на досуге
Делились всем и посему –
Молчи: ни слова никому.
Лишь внуку, может быть, когда-то
Ты подаришь кусочки злата,
Что в строках блещутся моих,
Играют мыслию нежданной,
Пронзительною, может, странной,
В волнительный слагаясь стих,
Пришёл ко мне что издалёка,
Не стёрся в памяти до срока...

Бумага сейчас его хранит,
Да грифель, на столе что спит.

Глава первая

*"Пылающую голову рассвет
Приподымает с ложа своего,
И всё земное шлёт ему привет,
Лучистое встречая божество..."*

В.Шекспир. Сонет 7

I

Ба холмы даль упала тихо
И где-то облака уж лихо
Готовят утренний набег,
Неся сухой земле привет:
Средь многих утр прекрасней нету,
И это, без сомненья, лучше всех,
Брожу средь холмов я по свету
И спать сейчас великий грех,
Оно наваяло мне наяву
Далёкой юности пору.

II

Родился Ави в северной сторонке,
Где снежные заносы и позёмки,
Свинцовые где ходят волны в море,
Штормят зимой и летом на просторе.
Сполохи где полярного сиянья
Ночь бесконечную не пробуждают,
Волшебного полны очарованья;
Фантазий сонм хотя они питают,
Им не пробить тоски унылой
И мглы туманистой и стылой.

III

Но Ави разве помнит это:
Родился он в конце скупого лета,
Остались в памяти лишь доброй няни руки,
Да, может, кое-что от зимней скуки.
В два года был с семьёю на Урале,
Куда война грозою лютой
Его закинула в безбрежны дали
Эвакуации угрюмой,
И на войну там проводила мать отца,
Что длилась вроде без конца.

IV

А мать одна с тремя детьми осталась,
И за большое счастье тогда казалось,
Что на заводе выдавали ей паёк,
И за трудами было невдомёк,
Что бедный Ави в два уж года, -
Прибавила она ему лета, -
С сестренкой старшею ходил в сад от завода,
Ведь брали в сад с трёх лет тогда;
Держась потупленно за сестринскую юбку,
Напуган детским шумом был вовсе не на шутку.

V

И непрерывный детский гам,
И бесконечный тарарам
Остались в памяти подспудно,
Поэтому понять нетрудно,
Что полюбив впоследствии так книги
И непрерывное над ними бденье,
Ценил так созерцанья миги
В волнительном уединенье,
И одинокий этот зов
Пронёс он через бег годов.

VI

Ах, суетою быстротечной
Мы гасим пыл трусцой беспечной,
Бежим, страшась самих себя,
И в жизни, толкотню любя,
Остаться нам наедине
С самим собой неинтересно,
Но это вовсе не ко мне,
Хотя вокруг и повсеместно
Творит лишь суета свой бал –
Подвержен ей и стар и мал.

VII

Так вот и Ави, друг мой верный,
Смущаясь общею толкучкой нервной,
Как вы уж знаете, один
Сидел частенько недвижим
И в думы общи погружался –
Ему не чужд был мир идей,
Реальней он ему казался,
Чем окруженье, без затей,
И замыслов различных сонм
Ввергал его в фантазий сон.

VIII

На время эти рассужденья
Оставим, ведь иные мненья
На эту тему могут быть,
Что позволяют нам забыть
И радость прошлую, а то – печаль, -
Бежим от жизни без оглядки, -
Господ таких мне, право, жаль,
Играют сами что с собою в прятки...
Но прошлое всегда ведь с Ави,
А значит, оно также с нами.

IX

Вернёмся к нашему повествованию
И, вопреки, быть может, моему желанью,
Чуть расскажу о тягостной поре,
О длинной изнурительной войне,
Как Ави малому тогда жилось,
Голодных го́дах беспросветных,
Что пережить ему пришлось,
А также о мгновеньях радостных и светлых –
Всё это о своей судьбе
Рассказывал неоднократно Ави мне.

X

В отдельной комнате, какое счастье,
Где стены, крыша есть и где в ненастье
Укрыться от стихии можно,
Но от морозов – уже сложно,
Поскольку печь плохо топилась,
Да и с углём не просто было,
А зимы бесконечно длились,
И было холодно и сыро,
И только в общей кухне ввечеру
Тепло и собиралися жильцы поближе к огоньку.

XI

И разговоры, разговоры: когда же кончится война,
Казалась бесконечною она;
И помнит Ави Зойку, девочку-соседку,
Работала что на заводе, в ту пору нередко
Подростки выглядели взросло,
И смену полную стояли за станками,
Как это было тяжело и не просто,
И голодно, и часто со слезами,
Они ковали Родине победу...
Не канули невзгоды те бесследно в Лету!

XII

Как помнит Ави эти вечера!
Как будто то было вчера:
Сидит, поджав колени, Зойка,
А мать её трещит, перебивая всех, так бойко,
Видать на сердце накопело и всё о своём муже:
И жив ли в этой мясорубке,
Не замерзает ли в крещенской стуже,
Сквозь слёзы помнит и о шутке,
Пересыпая речь солёненьким словцом,
И замолкает горестно потом.

XIII

Соседки все при этом чистили картошку,
На ней белела чистая дорожка,
И кожура вилася лентой узкой,
И отражался в ней свет одинокой лампы тусклой;
Затем все горестно молчали,
И уносили в комнаты свои кастрюли,
А с ними уносили и печали,
И заговаривали вражеские пули,
Чтоб не задели милых ненароком
На фронте таком жёстком и далёком.

XIV

А утром – на работу мама,
И с ней вставали дети тоже рано,
Их отводила в садик до работы,
А дома были новые заботы:
С малышкой оставался старый дед,
С трудом переносил военные невзгоды,
Ему немало было лет,
Но крепкой был с рождения породы,
И Ави вечером забрав из садика, домой
Шёл с ним уж тёмною порой.

XV

Но Ави шёл не просто, нет,
Он требовал, чтоб старый дед
Принёс с собою корку хлеба,
Ведь голоден он был с обеда:
Суп жидкий, да без масла каша,
Стакан несладкого компота,
Зато попозже тётя Маша
Несла домой в кошёлке что-то...
Кто смеет осудить её?
Ведь у самой детишки и несладкое вдовство.

XVI

Ах, лихолетье этих лет
Не вынес всё же старый дед,
"Остались в комнате мы вчетвером, -
Рассказывал с печалью Ави мне потом, -
И часто в выходные сад был на запоре,
Мы, дети, оставались целый день втроём одни,
Поскольку мать трудилась внеурочно на заводе,
И так до вечера... как птички в клетке взаперти,
И лишь ведро в углу да три тарелки,
И хлеба три куска невзрачные и мелки".

XVII

Кричат нам с улицы друзья:
"Окно откройте, прыгайте сюда,
Здесь намело сугробов кучу,
Поднимем враз большую бучу,
И крепость снежную построим,
Играть мы будем дотемна,
Борьбу забавную устроим",
И вот уж крик: "Куча мала!"
Так "сворачивали" дети нас,
Но материнский помнили наказ.

XVIII

Во что играли тогда дети?
Конечно же, в войну; на свете
Важнее не было события;
Солдата каждого прибытье
Как праздник всеми ощущался,
Счастливые ходили дети те,
Отец чей с фронта на побывку возвращался,
И грустно было нам, отцы ведь были на войне,
А Ави представлял отца лишь с шашкой
В папаше, полушубке из барашка.

XIX

Но всё кончается когда-то,
Война закончилась, хвалилися ребята
Наградками отцов своих,
Лишь Ави был задумчив, тих,
Отца не помнил, но однако
Его он с нетерпеньем ждал
И мишурой бумажною богато
Кинжал-подарок украшал:
Хоть деревянный был кинжал,
Как настоящий он блистал.

XX

А от отца известий нет,
Хотя бы весточку, привет
Надеются всё получить,
А как же без надежды жить?!
Но как-то вечером зашёл
Военный в форменной фуражке
С заплечным вещевым мешком...
И, вскрикнув, мать протяжно, тяжело,
Рыдая, кинулась к нему в объятия:
Живой вернулся – что за счастье!!

XXI

А Ави сразу же без промедленья
К отцу уселся на колени,
Рассматривая ордена, медали,
Что мелодично так звучали.
"А где же шашка, - вспомнил Ави, -
Неужто ты забыл её на фронте? –
Тут все смущённо замолчали, -
Чуть затупилась она, сейчас в ремонте."
Так были рады этой шуточке отца,
Что повторяли её часто без конца.

Глава вторая

*"Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса былого, -
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова..."*

В.Шекспир. Сонет 30

I

Во всех концах большой страны
Искал пристанище отец для всей семьи:
Чтоб город был большой, культурный,
Не северный, но и не южный,
От западной границы дальше,
И вспомнил город на берегу реки великой,
Бывал где в молодые годы раньше,
Казался он ему уютный, даже милый,
Не мешкая, купил там деревянный дом...
То феерическим казалось сном.

II

"Жара и пыль, и солнце жжёт,
Стоим мы у больших ворот,
А грузчики всё вносят в дом,
И что потом, и что потом?..
Мать, пригорюнившись, молчит,
Не мило ей, и очень жарко,
Отец имеет бравый вид,
Но нам его немного жалко:
Привыкли не к такой погоде,
А здесь пустыня, или что-то в этом роде.

III

Но входим в дом, довольно чисто и прохладно,
И кисловатый квас пьём с наслажденьем жадно,
И кажется, не так уж плохо всё:
"Привыкнете... и будет всем нам хорошо,
А на печи с лежанкою большой
Зимою будет так уютно,
Найдём мы в этом доме, наконец, покой,
Хотя вначале, может, будет несколько и трудно..."
Увещевал отец, а мать молчала,
И начал снова он сначала:

IV

"Великовата вроде печь,
Но есть зимою где прилечь -
В мороз на ней будет отлично,
Но нам всё ж это не привычно,
И если вам не нравится она,
То можно сделать перепланировку
И уберём её, а что до сна,
То на кровати спать имеем мы сноровку,
Знакомый архитектор есть –
Он угодить мне посчитает за большую честь..."

V

Преображённая квартира
Блистая краской белой, синей,
И вместо русской пёчи
Голландка* скромная топилась каждый вечер
Зимой углём или дровами,
И можно было наблюдать, как пламя
В ней полыхало целыми часами
И трепетало, словно знамя,
Но по ночам прохладно было
И даже холодно и стыло.

*Голландка – комнатная печь, облицованная листовым железом (или изразцами)

VI

Отец всегда мечтал о том,
Чтобы иметь с участком дом,
Родня вокруг чтобы жила,
Ходили в гости, и текла
Размеренна бы жизнь и быт
Не тяготил уж очень,
И каждый член большой семьи был сыт...
Но это так всё, между прочим,
А главное – он был марксист,
По сути же – идеалист."

VII

Наш Ави рос как все: играл в войну,
В футбол и "чижик", в ту пору,
Как большинство, он бегал босиком,
Но не курил в кустах тайком,
Не сквернословил даже в мыслях,
Хотя ругались многие вокруг,
И помыслы его были навно-чисты,
Не мог произнести он скверны вслух,
Не потому что был немой –
С рождения был он чист душой.

VIII

Ах, как хотелось поиграть:
С мальчишками в футбол гонять,
Иль в городки в пыли вдоль у дороги,
А то и в "чижика", лапту... босые ноги
Мелькали только тут и там,
Стоял на улице сплошной
Спор, хохот, тарарам,
Кипела жизнь прекрасна, и другой
Никто не ведал... тот, кто знал,
Скрывал под маской и молчал.

IX

Но строг отцовский был наказ:
Потехе время – делу час,
Пока дела не сделал все,
Не думай даже об игре...
Да Ави сам не по годам
Работал быстро и умело:
Трудолюбив, упорен и упрям,
И дело спорилось, горело;
Силён и ловок, и горяч –
Что ж, подождёт с друзьями мяч!

X

Сначала надо, во дворе чаны*
Чтобы водой были полны,
И два ведра в руках бегом
Несёт с улыбкою он в дом:
Так много раз в колонку вверх,
Набрав воды, во двор опять
За два квартала и наспех...
Ах, ходки он переставал считать...
Ломило руки и вода
Так становилась тяжела!

XI

Устал немного – ничего,
Зато в чанах воды полно,
А время гонит: быстро, быстро!
Полы мыть надо, чтобы чисто
Всё в доме было... что же дале:
Картошки чистил он полну
Кастрюлю, а картошку брал в подвале,
И часто вовсе не одну –
Ведь есть хотелось всей семье
И Ави тоже в том числе.

*Чан – большой металлический резервуар
(вода – для полива огорода)

ХII

И каждый день полон траву
Под каждым кустиком в саду,
Где пусто, там и тяпкой можно,
Но в огороде – осторожно,
Руками надо её рвать, –
Росло же много там чего, –
Культуру чтобы не помять,
И наливалось, цвело:
Горох, клубника, огурцы,
Томатов полные кусты.

ХIII

Учился Ави во вторую смену,
Уроки делал часто в перемену,
Ведь дома – времени-то нет,
И это только в десять лет!
Поест быстрее и соберётся,
Успеть до школы хоть бегом,
Всё в сумку положить, добраться:
Была далече, за бугром...
Решал задачи и читал,
И долю тяжкой не считал.

XIV

Тебе, читатель, верю, ясно,
Что первым был всегда, прекрасно
Учился годы все подряд,
Похвальных грамот целый ряд
Он получил за годы эти,
Прилежен был, начитан, смел,
И не попал в порока сети,
И сдачи дать всегда умел;
Благодаря уму и прилежанью
Окончил школу с золотой медалью.

XV

Учился Ави в средней школе,
Стояла что на косогоре:
Спортивный зал и двор большой,
На перемене шум такой,
Что заглушал любую речь...
Оружье изготовил кто-то, всех зовёт,
Не палка то – а острый меч,
Труба как будто бы поёт:
На палках битва началась,
По жёстким правилам велась.

XVI

Как помнит: хладною зимой
Голодный брёл с сумкой домой,
Лишь звёзд мерцанье, вьюжно и темно —
Ведь вечер наступил уже давно...
И по заснеженной тропе
Навстречу ветру тяжело шёл,
Хоть в валенках был в той поре...
Живот бурчит — голод подвёл:
Но, слава Богу, печь шумит
И на плите что-то бурлит.

XVII

Скорей всё скинуть и сушиться,
А борщ уж на столе дымится,
И покрасневшая мать
Торопится на стол подать.
Ест Ави быстро, торопливо,
И постепенно жар внутрь входит,
Ещё бы — всё внутри застыло:
Мороз из тела же выходит,
И по привычке уже ставшей
Он с мамой делится уставшей.

XVIII

Расскажет всё, что в школе было:
"Горилла" как журнал забыла
(Прозвали так математичку),
Как залетела в класс синичка,
За нею топал "бегемот",
Поймать хотел неоднократно,
Прошиб его обильный пот,
Не настоящий бегемот, понятно,
Учитель толстый бегал в классе
На пятом и последнем часе.

XIX

Смеялся Ави в кухне громко
И рассказывал, как тонко
Сумели провести "лисичку"
(Прозвали в классе так химичку),
Подкинув вместо спирта воду,
"Лисичка" так заволновалась,
И вместо соли всыпала в пробирку соду,
Ах, как потом она ругалась,
В конце концов опыт удался –
В подмене класс всё же признался.

XX

В четвёртом Ави так влюбился
(Со мною этим поделился)
Что спать не мог, а как заснёт,
Она во сне к нему идёт.
Стремился в школу: поскорей увидеть,
И мелодичный голос чтоб звучал –
Скорее бы его услышать,
И стройный стан чтоб восхищал,
Открылся мне... всё ж кто она –
Надежда Александровна.

XXI

Учительница молодая
Вспорхнула в класс, как бы играя,
И замер весь четвёртый "Б",
И даже те, кто на "губе"*,
Красива, модна и игрива
В короткой юбке чёрной,
И как бы даже шаловлива,
"Училкой" не была чопорной:
Вдруг покорила сразу всех –
То полный был её успех.

*Губа – задняя парта у стены, где сидели переростки и
второгодки

XXII

Прошу покорно извиненья,
Надеясь всё же на прощенье,
Забыл в стихах упомянуть,
И в этом, собственно, и суть:
В мужской учился Ави школе,
Послевоенная пора, -
Раздельны школы были в моде, -
Нас уводила от греха,
Я не берусь давать совет,
И не скажу ни "да", ни "нет".

XXIII

И сорок пар задорных глаз
Уставились вдруг сразу враз,
И что читает в них – волнение,
И даже больше – восхищенье,
И сразу ей мы всё простили,
Любимым стал урок её,
Хотя прощать давно забыли,
Причём не слушали его.
Любовным озарила светом,
Ах, Ави был в душе поэтом.

XXIV

Потом ушла она из школы,
Но всё не прекращались споры:
Красива ли была – мила,
Терзали юные сердца.
Случайно встретилась намного позже,
И не узнал (так время что-то исправляет),
Она – как будто тоже,
На путь разумный направляет,
Но свежесть так же с ним уходит,
Как сок, весной что только бродит.

Глава третья

*"... Но как вольный океан широк
И с кораблём могучим наравне
Качает скромный маленький челнок, -
Дерзнул я появиться на гребне..."*

В. Шекспир. Сонет 80

I

Учиться рад, всегда прилежный,
Но в школе нет товарищей надёжных,
Хотя и первый ученик,
Но, к сожаленью, нет друзей,
душой к которым бы приник,
И непонятен для мальчишек:
Свой парень вроде, но́ что-то всё ж не то,
Любитель не футбола – книжек,
Их прочитал, наверное, уж сто,
И Ави звать, такое странное немного имя,
Не то что Вася, Коля, Дима.

II

В четвёртом "Б" на задней парте
Играют на уроках в карты:
Ребятам по шестнадцать, там "Евсей", "Колян",
Им вроде лишь для карт рассудок дан.
Перед уроками по-барски
Подходят, говорят баском:
"Списать дай", и берут хозяйски
Тетрадь, отдать чтобы потом тайком,
Учился каждый кое-как,
Но был хитёр и не дурак.

III

- В учёбе стоишь ты немало,
После уроков, сзади зала
Мы ждём тебя. Дрожишь?!
Посмотрим, в драке как, малыш!
Не дрейф! Всё будет по закону –
Порядок знаем, что к чему:
До первой крови; вопли, стоны
Не тронут нас и никому,
Смотри, не пророни ни слова,
Ну что, душа твоя к бою готова?!

IV

Но вот и круг,
Собрались школьники вокруг –
Всем интересно: кто кого?
Лица приветного ни одного.
А в центре ждёт меня надменно
Противник мой, по прозвищу Марло́,
Стоит он важно и степенно,
У Ави тело будто бы свело...
Решил он твёрдо – будет драться,
Ему ль угроз всяких чураться.

V

Противник – одноклассник однолетка,
Любитель драк, их пропускал он редко,
Был старше, кажется, на год,
И сейчас стоял напыщен, горд,
Дразнящее рыжий, веснущатый,
Тяжёлый, крепкий как дубок
Он бросился с разбега в драку,
И сбить хотел тотчас же с ног,
Но увернулся Ави ловко –
Приобретённая спасла сноровка.

VI

Жестокосердные забавы,
Суровые, безжалостные нравы
Ушедшей юности поры,
Пройти мы их были должны,
Не мягкость, кротость были в моде,
Послевоенная пора
Дала разгул всепобеждающей свободе,
Ей грезили и взрослые и детвора,
А той эпохи Ави был дитя,
И дрался вовсе не шутя.

VII

Был он своим среди чужих,
Силён и ловок, но не лих,
И в драках много раз был бит,
Но чаще сам бил, знал, что чтит
Семья мальчишек только тех,
Кто с плачем не бежит из круга,
И не сдаётся, самый большой грех
Предать со всхлипыванием друга;
За друга он стоял горой,
Хотя был вовсе не герой.

VIII

Отец его был не добряк,
Он как-то жил наискосяк:
Вполне начитан, образован,
В избытке знаниями полон,
И множество знал языков –
Не шло ему всё это в прок,
И к жизни был он не готов,
Над ним довлел какой-то рок...
Так зачастую наши знанья
Ещё не истый зов призванья.

IX

Потом лишь Ави осознал: услугу
Большую оказал отец, науку
Прошёл суровую в саду –
Испил он чашу не одну:
И душ холодный, и дрова,
И виноградные траншеи*,
Закапывали куст туда,
Глубокие до самой шеи,
И доски. что пред самым сном
Носили под ночным дождём.

*Виноградные траншеи – канавы, куда закапывались виноградные лозы, чтобы они не помёрзли зимой

Х

"Отец, спасибо за науку,
Хоть доставляла она муку,
Что заставлял работать так,
Хотя годами был я млад,
Спасибо, что и в зной и слякоть
Трудился тяжело в той поре:
Месил руками курам мякоть,
Купался в душе во дворе,
Как будто то было тяжёлым сном", -
Неоднократно Ави говорил потом.

XI

Когда уж Ави повзрослел,
Рассказывал мне, что хотел
Куда-то из семьи бежать,
Но жаль было сестёр и мать;
И был на редкость справедлив,
Терпеть не мог он бранных слов,
Со взрослыми всегда учтив,
Хоть рос среди сорвиголов,
Средь хулиганской детворы
Послевоенной злой поры.

ХII

Он ростом вовсе не велик,
Но крепок, словно боровик* -
На пользу всё ж пошла работа,
Хотя трудился и до пота.
"Марло, ты помнишь поединок,
И как орал ты: "Наших знай!"
И как слетел с ноги ботинок,
И как кричали все: "Давай!"
Но знал: не только за себя сейчас бился –
Что Ави он! и этим до сих пор гордился.

ХIII

А кто же был тогда повержен?
Дрались оба так прилежно –
Поочерёдно были наверху,
И присудили им ничью.
Неоднократно Ави приходилось
Потом за правду воевать,
И школа эта пригодилась,
Но школа это ли?! Как знать!
И что тут спорить, Ави ясно:
Была та школа не напрасна!

*Боровик – то же, что белый гриб

XIV

Затем был Женька Новожилов,
Прожжённый аферист и жила,
И на руку совсем не чист,
Большой к тому ж антисемит.
Он приставал на переменах,
Дразнил, науськивал ребят,
О, сколько слышал в школьных стенах,
Чему, конечно, Ави был не рад.
Людей хороших было больше,
И оттого обиднее и горше.

XV

Проучен Женька был надолго и отменно,
Учиться даже стал в другую смену:
Схватил Ави кирпич – его он запугал,
Стал смирным после этого нахал.
Так рос мальчишка-бедолага,
Как все в России той порой,
Голодный, но гордился красным флагом,
Что развевался над огромною страной.
Своим он был среди чужих,
Чужим – среди своих родных.

XVI

И всё не может забыть Ави,
Какими чёрными дни стали,
Как злой "Евсей" гундосил вслух:
"А Ави наш в Сибирь тух-тух..."
Да, годы эти были страшны,
"Отец народов" показал:
Усилья наши все напрасны,
И... всех евреев на вокзал!
Ах, почему судьба не милосердна?
В том виноваты сами мы, наверно!

XVII

Тирана смерть вдруг поразила,
За гробом шла, рыдала, выла
В безмерном горе вся страна:
"Как будем жить мы без отца?!"
Мы были слёпы, глу́хи, нёмы
Пред миром всем, перед судьбой,
И слышали нас только стены,
Огородили что меня с тобой;
И стены эти так крепки,
Казалось – вечные они!

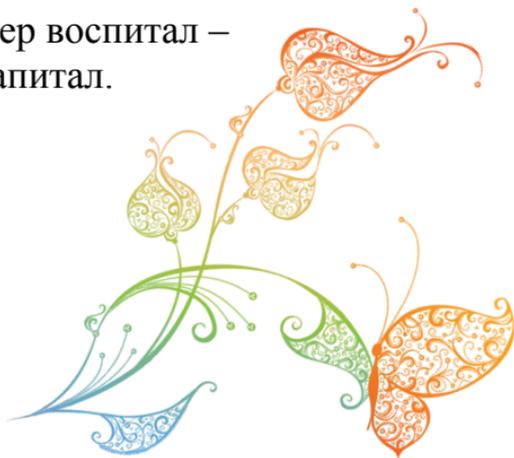
Глава четвёртая

*"Когда подумаю, что миг единый
От увяданья отделяет рост,
Что этот мир – подмости, где картины
Сменяются под волхованье звёзд..."*

В.Шекспир. Сонет 15

I

Зак просто жили, но достойно,
И развлекались раздольно
Зимой и летом на природе:
В лесу, на Волге, на свободе.
Велосипед, коньки и лыжи
У Ави тело закалили
(Без них он, может быть, не выжил)
И чувства вовсе не остыли.
Он свой характер воспитал –
Неоценимый капитал.

II

Ты помнишь, Ави, как с тобою
С горы карьерною крутою
На лыжах простеньких съезжали,
От страха чуть ли не кричали,
Но мчались мальчишки рядом,
Весь день-деньской они катались,
И были опытны, не даром
Они кумирами казались.
Их на горе хозяйский глаз –
Им, право, было не до нас.

III

Карьер песчаный тот далёкий
Заброшен был, и, одинокий,
Скучал, пока его не разбудил
Смех детский; щедро он дарил
Зимою горы снеговые,
Где кувыркались мы, смеясь,
Песочек летом, где резвились босые,
Находкам редкостным дивясь.
Так красили своё мы детство сами
И наслаждались природными дарами.

IV

Но более всего любил всё ж Ави лес,
Что полон зимних был чудес:
Гирлянды снежные висят,
Одето в белый всё наряд,
И тишина лежит вокруг,
Ах, взят всем этим целиком в полон,
А если ещё рядом друг,
То это как волшебный сон.
Умчалось всё куда-то вдаль,
Минут тех чудных, право, жаль.

V

На лыжах простеньких ходили,
И к валенкам мы их крепили,
Бамбуковые палки купила Ави мать,
Гордился ими, даже спать
Ложаясь, клал с кроватью рядом,
Вставал, ощупывал их в темноте,
Скользил любовно сонным взглядом —
Счастливей не было его на всей земле.
Счастливым даже в малом быть не стыдно,
Хоть прочим, может, это и завидно.

VI

Но эти палки чуть не привели к беде,
Как помнится, то было в январе:
Мы с Ави шли вдвоём на лыжах,
И позади вдруг крики слышим:
"Бросайте палки, всё равно ведь отберём..."
Мальчишек целая ватага
Бежала следом, мы же – лишь вдвоём,
Тут Ави поднял палку, остриё как шпага.
Храбрец идёт врагу навстречу,
И часто побеждает в сече.

VII

Ватага стихла и остановилась сразу:
С такими не встречалась, видимо, ни разу,
А Ави палками крутил
И изо всех кричал им сил:
"Вот только подойдите, остриём проткну,
Ну, храбрый кто? не пожалею, верьте,
Управу я на вас найду,
И не боюсь даже смерти!"
Смотрели с неким удивленьем,
Смущённые неожиданным поведеньем.

VIII

Мальчишек можно тех понять —
Легко у "слабаков" отнять,
Ведь палки редки тогда были,
Вокруг все очень бедно жили.
Но Ави всё ж учёл урок:
В лес с палками уж не ходил,
Дубинку сделать я ему помог,
Теперь как все он "бедным" был.
Для зависти нет никаких преград,
И даже малое отнять завистник рад.

IX

Какими закалёнными мы были:
Весь зимний день между дерев бродили,
То быстро по лыжне бежим,
А то и вовсе не спешим,
И с веток снег сшибаем лихо,
А он пыльцой мелкой кружится,
Летит вниз плавно тихо, тихо,
И на лыжню, невидимый, ложится.
Чудес немало, друг, на свете,
Но дороги, невинные, нам эти.

X

В кармане хлеба лишь горбушка...
Мы ели в простенькой избушке,
Была избёнка та пустая,
Как видно, вовсе не жилая,
Но принимала всех радушно
Колодезной водой холодной,
И радовалась простодушно
Толпе на этот час бездомной.
Студёная вода простая
Дороже всех роскошеств рая.

XI

Всё лыжи, лыжи! были и коньки,
С ботинками тогда они были редки,
Но Ави упросил всё ж мать –
Пошли в спортивный магазин с ней
покупать.
"Как дорого! а мальчик-то растёт,
Ему уже двенадцать,
А денег-то всего наперечёт,
На вырост надо покупать! ну, может,
на шестнадцать".
И Ави получил коньки,
Но испытанья были впереди.

ХII

"Ботинки велики, но это ничего,
Растёт нога у мальчика ведь моего",
Мать говорила, не подозревала,
Как трудно будет Ави на катке сначала.
Впервые вышел он на лёд,
Мальчишки с ранних лет катались,
И шагу он ступить не мог –
Ровесники над ним смеялись.
Как тяжело было без наставника начало –
Усилий приложить пришлось ему немало.

ХIII

В лодыжках ноги подгибались,
И кости будто бы ломались,
Держались ботинки еле-еле,
И по ступням скользили словно бы качели.
Шатаясь, шаг за шагом шёл вперёд,
И, несмотря на все препоны,
Коньки он победит, а не наоборот,
Лишь зубы стиснуть, чтоб не слышны
были стоны!
Такая жёсткая игра,
И ей подстать была пора.

XIV

Каток велик, но не ухожен,
Нет раздевалок, туалетов тоже,
Коньки морозны надевают,
А стару обувь оставляют,
Но замечают это место,
Найти чтоб обувь всё ж потом,
Ах, даже обуви здесь было тесно...
Сейчас всё кажется кошмарным сном.
"А как вы жили?!" – ты мне замечаешь:
Рожденья место ведь не выбираешь.

XV

Идти назад уж нету сил,
Каток теперь ему не мил,
Мороз крепчает, все уходят,
И в тьме с трудом обувь находят,
И надевают, содрогаясь –
Ведь задубела на морозе,
Обуть, ноги бы не касаясь,
Но это только в анекдоте.
Теперь быстрее в тепло домой,
Но как идти! о, Боже мой!

XVI

Схватив коньки, свою обувку,
Бежал в носках одних и не минутку,
А, может, целых полчаса,
Но хорошо, что ночь светла:
Блестит, искрится под луною
Пушистый снег, всё словно сон,
Я поражён был, этого не скрою,
Когда рассказывал мне это он.
Январские морозы злые –
Носки, однако, были шерстяные!

XVII

Держались чтобы на ногах коньки,
Пихал побольше ваты он в носки,
Ботинки же крепил тесьмой,
И сколько выдумки! о, Боже мой!
И для того лишь только,
Чтоб мог кататься, как другие,
Он приложил усилий столько,
Что смолкли языки доселе злые.
Передо мной раскрыл он жизни полотно,
Другим и половины испытаний
не было дано.

XVIII

Не стал среди мальчишек на катке,
 конечно, королём,
Прилично всё-таки катался,
 но это уж потом.

С командою играл в хоккеей,
Кричали все ему: "Ещё забей!"
Вёл шайбу хладнокровно и умело,
Не сомневаясь, точно бил всегда,
И обводил соперника он смело,
В ворота шайбу забивал наверняка.
Он был, быть может, не кумиром,
Но, разумеется, и не евреем хилым.

Глава пятая

*"Но если время нам грозит осадой,
То почему в расцвете сил своих
Не защитишь ты молодость оградой
Надёжнее, чем мой бесплодный стих..."*

В.Шекспир. Сонет 16

I

Мороз крепчал, в двери зима стучалась
И бесконечно казалась,
Округу замело снегами –
Они всегда как будто были с нами.
Но и веселье с нами было:
Тот новогодний первый бал
Капризна память не забыла,
И..., наконец-то, он настал.
До сей поры всё помнит Ави,
Впервые как в грудь грёзы постучали.

II

То было в классе, кажется, шестом,
И Ави представляется до сих пор чудным сном,
Когда мужской бедовый коллектив свободный
Был приглашён на бал вечерний новогодний:
В прекрасной женской школе танцевали,
Девчоночки стояли все у стеночки рядком,
И скромно ждали, чтобы мы их приглашали,
Желали приглашения тайком:
Ах, Ави помнил долго этот вальс чудесный,
Который танцевал он с девочкой прелестной.

III

С восьмого класса школы две объединили,
В единый коллектив мальчишек с девочками
слили,
Наполовину девичьим класс стал,
Никто у нас, конечно, не протестовал.
Влюбился Ави сразу же безмерно,
Напомним, то было в восьмом,
Стройна она была, как серна,
И очи карие при том.
Ведь для любви нет никакой преграды –
Все возрасты случайной встрече с нею рады.

IV

Краснел, лишь только проходила мимо,
Была строга, скорей – строптивая,
Касалась локтем невзначай,
И поощряла взглядом будто бы: "Дерзай!"
Но Ави действовал, как видно, неумело,
И слишком робко, может, для неё,
Лишь в мыслях был он с нею то и дело...
Нашла с другим позднее счастье своё.
Не торопи любовь – найдёт тебя сама,
Безумствами сведёт с ума.

V

Как привередлива судьба,
Какую нить тянет она,
Узорны кружева плетёт!
И знает всё ведь наперёд:
Кто беден будет иль богат,
Кого успехом наградит,
Кто будет скуп, кто тороват*,
Кого недуг злой поразит.
Бранишь за всё если судьбу,
Дорогу выбрал ты не ту.

*Тороватый – то же, что щедрый

VI

Стояла осень, но не золотая,
А мрачная какая-то, совсем иная:
С погодой переменчивой, холодной,
И непонятной атмосферою, немного сонной.
Но Ави в школу, как всегда, ходил прилежно,
Учиться он любил, хотел знать всё,
И несмотря на то, что часто было уже снежно,
Никак не надевал пальто,
Ходил же зачастую налегке:
В рубашечке и тонком пиджачке.

VII

Ребята стали замечать,
Что Ави стал как будто опухать:
Глаза как щёлочки глядели,
И руки будто онемели,
И тяжело дышал, одышка появилась,
Передвигал он ноги еле-еле,
Такое в страшном сне ему не снилось,
Неужто болен в самом деле,
Пошёл к врачу, анализ сдал,
Здоров – анализ показал.

VIII

Уже не ходит в школу Ави,
Однообразными дни стали,
Лежит и стонет лишь порой,
Опух и налился водой.
Тогда уж всполошилась мать,
Повторно сдал анализ сын,
Не может сейчас спокойно спать —
Покажет что анализ-господин?
Не доверяй бумажке каждой,
Если обжётся уж однажды.

IX

И тишь гнетущая повисла,
Когда увидели, что перепутаны все числа,
Нормальным вроде всё казалось,
Превышена в сто раз вдруг норма оказалась...
Переполох: в больницу срочно...
В палате уж для тяжелобольных
Лежит мой бедный Ави и повторён анализ
страшный точно,
Мне тяжело даже сейчас, однако я продолжу стих.
Но, главное, что Ави жив и вроде ровно дышит,
И занавеску ветерок легонечко колыхет.

ХII

Вот дома он, собака встретила
не слишком дружелюбно,
Больничный запах был силён,
обычный же – подспудно,
Но вскоре стала ластиться сама,
И будто извинялась – ошиблася она.
Так долго Ави не был дома!
Всё, как и ране, только ниже стало,
Но обстановка вся знакома...
Болезни как и не бывало!
Ах, дороги родные стены,
Они не терпят перемены.

ХIII

Но в школу Ави не ходил,
Стал худ и слаб, и не хватало ему сил,
И целый месяц дома был ещё,
Навёрстывать упущенное принялся горячо:
Ведь основные четверти болел,
Полгода как занятия не посещал,
Но он трудолюбив, настойчив, смел,
И сам освоил школьный матерьял!
Взяла мать отпуск (месяц) на работе,
Сыновней отдалася целиком заботе.

XIV

Всё, кроме математики, самостоятельно
устроил,
Трудился целый день, хотя никто и не
неволил,
По математике он занимался с мамой,
Вставали они ранним-рано,
Решал задачи все подряд,
Перерешал их сотни, может,
И был несказанно тем рад,
Что одолеть и это сможет.
Судьбою щедро одарён,
Программу полностью освоил он.

XV

Весна настала, всё цветёт,
И Ави в школу вновь идёт,
И что за диво! – он опять
Приносит лишь отметки "пять".
Закончил год похвально и примерно,
Учеником остался первым, как и ранее,
Он верил в это, знал наверно,
И предвкушал победу уж заранее.
Судьба, судьбою, но и сам смело иди,
Тогда успех ждёт непременно впереди.

XVI

Десятый класс, кончает школу Ави,
Экзамены серьёзные настали,
Хоть знает матерьял, но как тревожно всё же,
Поможет сам себе, немножечко,

быть может - Боже?!

Сдал все экзамены он на "отлично",
И это несмотря на все невзгоды,
И золотую медаль лично
Вручал ему директор школы.
Останутся пустой мечтой все устремленья,
Плывёшь коль только по теченью.

XVII

"А всё же Ави - голова", -
Так говорили, думали друзья,
Но ведь и телом крепок он,
И хвори все, как страшный сон,
Ушли, правда, не сразу:
Усилий сколько приложил,
Чтоб улетучилась зараза!
Зато он ныне полон сил.
Таким он сделал сам себя,
На все лишенья несмотря.

XVIII

Работал тяжело в огороде,
Ходил на лыжах, на природе
Был каждый день зимой и летом,
И даже обтирался снегом.
Зарядки он не избегал,
Подтягивался много раз,
Конечно, был не идеал,
Но этим всем себя он спас.
Вознаграждаются усилия не враз —
Твердили миру много раз.

XIX

И в классе снова всех сильней,
Быстрей, проворней и бойчей,
На лыжах первый, как всегда,
Не унывает никогда.
Застенчив, скромн, как и раньше,
Шумливой сторонится суеты,
И забивается подальше
От бесполезной толкотни.
Он знает цену себе сам —
Ему чужд модный балаган.

Глава шестая

*"Мы урожая ждём от лучших лоз,
Чтоб красота жила, не увядая.
Пусть вянут лепестки созревших роз,
Хранит их память роза молодая..."*

В.Шекспир. Сонет 1

I

Зуда пойти учиться далее?

Не ведал Ави то заранее –
Нет предпочтенья ничему,
Решать же надо самому.
Любил и знал литературу,
И с математикой дружил,
Читал лишь классиков, а не "макулатуру",
За шахматной доской досуг свой проводил.
Пред ним открыты все пути,
Но по какому всё ж пойти?

II

Университетское образование
Его прельстило, а призвание
Позднее только лишь пришло –
Оно само его нашло.
Физический окончил факультет,
Вначале трудно было очень,
На высшей математике для большинства
сошёлся клином свет,
А Ави ощущал её красоты, между прочим.
Препоны все преодолел,
Хотя был малый в математике задел.

III

Учился в школе он провинциальной,
От городских не отличался принципиально,
Но высшей математики там изучались элементы,
А в школе Ави исключались эти вот моменты,
И приходилось навёрстывать, что знали уж другие,
И кроме лекций, многочисленны учебники читать,
Вначале формулы казались чужие,
Потом стал к ним почтение питать.
Ему так нравилось учиться,
Что факультет им вскоре стал гордиться.

IV

А после лекций – в дешёвую "столовку",
Хотя не обожал её готовку,
Потом тотчас в университетскую "читалку",
Не для того, конечно, чтобы написать

шпаргалку:

Листал различные учебники в сравнении –
Чтобы понять поглубже матерьял,
Поскольку после лекций часто был в сомнении,
Понял ли верно, что профессор им
преподавал.

Он дерзко отметал ненужное ему,
Что было чуждо пытливому уму.

V

Но более учебника первоисточник читал,
И до сих пор он не забыл
С каким волненьем вчитывался в строки –
Казалось, самих титанов ощущались токи;
Движенье формул, красоту, их страсть
Впитал с тех пор уже навечно –
То словно проблеск молнии и как напасть
Питали его творчество впоследствии, конечно.
Он чувствовал, что будет в своём деле первым,
И в скором времени то оказалось верным.

VI

Бежал мальчишка после долгого сиденья
И прыгал чрез ступени безо всякого почтенья,
Всё вниз и вниз по лестнице крутой,
Испытывая лёгкое волненье,
Осталось ли буфете что перекусить,
А что? – ему ведь надобно немного:
Стакан кефира, чтобы пирожок запить,
Да хлеба кус с собою на дорогу.
Торопимся, бежим – всегда в пути,
Чтоб в храм грядущего скорей войти.

VII

Со всеми был он ровен, дружен,
Но никому особенно не нужен,
Ведь каждый своей жизнью жил
И только с тем крепко дружил,
С кем совпадали интересы:
Одни учились постоянно,
Но были пьяницы-повесы,
И им усердие казалось странным...
Так в нашей жизни всё одно и то же –
В конце воскликнет каждый: "Помилуй, Боже!"

VIII

Со многими он был знаком,
Что пригодилось ему потом,
А познакомились как следует при поступлении,
Когда согласно институтскому распоряжению,
Отправлен на три месяца был в поле,
Пшеница где всюю уж колосилась,
И на громадных площадях где на просторе
Людей так не хватало, работал так, что и не снилось:
Он был послушным честным малым,
Хотя с прозреньем запоздалым.

IX

А жили в поле, в шалашах,
И иногда накатывался ночью страх:
Уж не обрушатся ль они от ветра,
Что сильно дул отнюдь нередко,
Но крепки были шалашаши...
Ложились рано, уставали очень,
Немолчный говор не стихал в ночной тиши:
Ах, разные события волновали, между прочим.
Юнцами бросили их в степь,
Чтоб урожай собрать успеть.

X

Работа тяжка на току*,
Порой совсем немоготу:
Немилосердно солнце жжёт,
И пылью полон нос и рот,
И липнет пыль на тело зерновая,
И тяжелее всё становится лопата,
Но рядом девушки орудуют, не уставая,
И шутки отпускают торовато**...
Бесплатный труд так наполнял тоской –
Обычен был он той порой.

XI

Смывали пыль и пот в пруду,
Что недалёко был, и рядом тут же ввечеру
Сидели часто у костра
И пели песни, иногда
К ним подходили парни из села:
Скользил ревниво по студентам взор –
Вражда меж ними не прошла
С тех самых давних ещё пор,
Когда на шалаши девичьи напали –
Студенты им тогда урок хороший преподали.

*Ток – расчищенная площадка для предварительного хранения и первичной обработки зерна.

**Тороватый – то же, что щедрый.

ХII

Ах, как хотелось заработать Ави,
Он с бригадиром спорил без устали,
Чтоб правильно учитывал работу –
Трудился ведь усердно до седьмого поту...
И в результате за три месяца труда
И дней не сытых, часто и голодных,
Он заработал два мешка зерна
И то, по мнению бригадира, спорных.
С отцом он гордо вёз мешки со станции,
И всем показывал потом на них квитанции.

ХIII

Приехал загорелый и худой,
Зерно привёз для кур с собой,
Занятия – лишь только с октября,
Но лето всё ж провёл не зря:
Студенты знали теперь Ави,
И удивлялись силе необычной,
И иногда Андреем называли,
Так было им всё же привычней.
Мы постепенно привыкаем ко всему,
И даже – к очень тяжкому труду.

XIV

И не единожды потом
Он покидал родимый дом:
Работал на полях весной,
В осенний холод, летний зной,
И так в течение множества годов;
Лавировал, как все, умело:
Учиться хочешь – будь готов
Всё исполнять, что партия велела.
Жестокие реальность и закон,
Но приспособился к той жизни он.

XV

Не надоел, читатель, ли тебе
Рассказ об Авиной судьбе;
Уж той эпохи след простыл,
Но в головах он не остыл,
И... кружит, словно бы туман,
И будоражит внове он:
Опять слова, ложь, ханженство, обман,
И не ушёл, как тяжкий сон.
История нам интересна потому,
Что учит, может, кой-чему.

XVI

Ничто не ново под луной,
Но я дарю ей свой покой,
Чтоб рифмой вовсе не блестящей
Облечь рассказ в стих, говорящий
О прошлом Ави недалёком,
Которое ещё покамест с нами,
Кричащем часто ненароком
Молчащими запёкшими устами.
Различные эпохи обличаем –
Мы их по платью отличаем.

XVII

Словами, кажется, уж всё сказали:
И радость, счастье и печали
Поэты выразить смогли
На всех наречиях земли,
А что осталось мне всё же,
Что рифма хочет передать?
Неужто стихотворец тоже,
А не Поэт, на ком печать
Поставить Бог лишь захотел,
Но передумал, не посмел?!

XVIII

Рядиться что́ в бессмертну тогу?
Не лучше ль вызвать на подмогу
Луну, всегда которая со мной,
И я ей вовсе не чужой:
Наивны тайны поверял,
И с юности приметил,
С неё лепил свой идеал
Мечтателен и светел.
Она одна поймёт меня,
Не выдаст, тайну сохраняя.

XIX

Ночной порой вливает силу
Продолжить мой роман, на диву
Он получился так реален,
Конечно же, не идеален,
Продолжить если захотите
Читать, весьма вам буду благодарен,
И этим самым подтвердите,
Что автор вовсе не бездарен.
На крыльях хрупких вдохновенья
Скорей помчусь для продолженья.

Глава седьмая

*"Неужто музе не хватает темы,
Когда ты можешь столько подарить
Чудесных дум, которые не все мы
Достойны на бумаге повторить..."*

В.Шекспир. Сонет 38

I

Заполнен день был до отказа:
Ведь после лекций Ави сразу
Бежал в "научку", библиотеку называли так,
Просиживал часами там, какой чудак!
Вместо того чтобы резвиться,
На дискотеке танцевать,
Ночами в карты резаться, вином упиться,
И с девушками флиртовать,
Он знанья добывал волнительным трудом,
Чтогодились так ему потом.

II

Читал он классиков науки,
Ах, до всего не доходили руки,
Но главное – усваивалось сразу,
Не обманулся он в себе ни разу...
Спокойствие царилось в читальне,
В журналы, книги углублён,
К научной приобщался тайне,
Её красой был поражён:
Извилисты пути научны
Пленяли и казались не скучны.

III

И с корифеями вершины покорял,
В научный верил идеал,
Которому подвластна вещей суть,
Что открывает каждый раз в науке новый путь –
Тяжёл, конечно, но прекрасен,
Парадоксален, вначале непонятен зачастую,
И только гению подвластен,
Широким что мазком картину новую рисует...
Но это всё в мечтах у Ави,
Что жадно в будущее звали.

IV

Как ты понял, читатель мой,
За истину стоял Ави горой...
Учил предметы все прилежно,
Но математику любил особо, даже нежно:
Её логичность, строгость, красота
Справляли в его мыслях бал,
И думал даже иногда:
Не тот, возможно, путь избрал...
Высоты физики пока были чужды,
Но покорят своей красотой со временем они.

V

Красив и строен студент Ави,
И на него сокурсницы вниманье обращали,
Но он искал и ждал единственную ту,
С которой бы хотел связать свою судьбу,
И не знакомился напрасно,
Чтоб просто время проводить, -
Как делали другие часто, -
Потом себя чтоб не корить.
Пока от женских чар был всё ж свободен,
И в чём-то даже старомоден.

VI

Какие девушки вокруг,
Смотри, знакомься, милый друг!
Да и знакомиться не надо:
Сокурсница любая рада,
Чтоб Ави на неё взглянул,
Не только разъяснял учебный матерьял,
А чтоб в глазах её тонул,
Сердечное признание читал.
Но равнодушно проходил он мимо –
Такая вот была картина.

VII

А сколько девушек-спортсменок:
Блондинок, русых и шатенок
Случайно встретил в секции своей,
Куда привёл двоих друзей!
Туризмом горным он занялся,
Тренировались в основном по вечерам,
Позднее честно признавался,
Как трудно поначалу было там.
Но Ави крепок и силён –
Барьер спортивный одолён.

VIII

В любую не́погодь на спортплощадке –
Такие были вот порядки:
Шёл дождь ли снег – на тренировку,
И Ави приобрёл сноровку
Так ловко двигаться с мячом,
Что тут как тут у самой сетки,
Нежданный, ловкий финт потом,
Затем бросок порывистый и меткий.
Как нелегки спортивные ученья,
Зато в походе – без мученья.

IX

Похода два было зимой
На лыжах хладною порой:
Один – в окрестности недалней
По снежной целине печальной.
Неделю шли с ночёвкой в сёлах,
Обогревались у печи,
И завыванье ветра в долах
Пугало в сумрачной ночи.
То было первое лишь испытанье,
Но не отпало к странствиям желанье.

X

Второй – на лыжах по Уралу был,
И Ави помнил, не забыл
Ночёвки на снегу в палатках...
Ах, было вовсе там не сладко:
Чтоб не замёрзнуть до утра,
Пилили дерево потолще,
Кололи вдоль всего ствола,
Меж брёвен клали хворосту побольше,
Устройство это называлось "надья",
Обогревало на морозы несмотря.

XI

Венцом поход был на Кавказ,
И вспоминал Ави не раз
И зной, и ледниковый хлад,
Но он был горд и даже рад,
Что горы одолел крутые,
И многочисленные перевалы,
Над пропастями тропы непростые,
Дерев поваленных завалы.
Товарищи все были крепки и сильны
И дружбе молодой верны.

XII

Подъёмы в горы были не легки:
Несли с собою спальные мешки,
Палатки, крупы и консервы также,
Дрова при восхождении даже,
Чтоб высоко на леднике
Сварить еду и обогреться чуть,
И песни петь при огоньке...
Назавтра вновь тяжёлый путь...
Но эти неуёмные стремленья
Рождали чудные мгновенья.

XIII

Два месяца шли по горам Кавказа,
В аулах не были ни разу,
Встречали горцев изредка
Верхом, те приглашали иногда
Наведаться в аул ближайший,
Но путь лежал подальше от дорог
В природе дикой и тишайшей,
И график временной был очень строг...
Как удивительно, что всё ж не одичали,
И пели у костров и танцевали без печали.

XVI

Лишь день был отдыха, затем
Занятия в классе каждый день –
Основам альпинизма обучали...
Узлы различные вязали...
Теоретические знания
Такгодились среди теснин,
Когда спонтанные желанья
Смирялись опытом чужим,
Учили и подъёмам и паденьям,
Но... ждали все практического воплощенья.

XVII

А вот и практика: натянуты верёвки,
Взбираешься по ним на скалы ловко,
В расщелинах ногами упираясь,
Подняться вертикально вверх стараясь,
Всё выше медленно, но верно,
И вот конец пути, подтягиваешься на руках...
Да, упражнение выполняется примерно,
Хотя испытываешь некий страх:
Спускаться трудно всё же вниз –
Но это некий уж каприз.

XVIII

А дальше – однодневные походы в горы
На снежные и ледниковые просторы:
Идёшь под ярким солнцем, блестит снег,
Товарищ за тобою только след в след,
В одной с ним связке, ледоруб в руке,
Ботинки не скользят, ведь "трикони"* на них,
И слышен только снега скрип в безмолвной тишине,
И сам слагается в уме какой-то первозданный стих:
Снега, снега и ледники вокруг,
Как хорошо, что рядом друг!

XIX

Но всё кончается когда-то –
Покинуть лагерь весьма рады:
Ведь на Эльбрус** дорога впереди,
И вот альплагерь где-то там уж позади...
Набравшись опыта идём всё выше, выше,
Трудней дышать – ведь высота большая,
Хотим добраться до Кавказа крыши,
И давит груз, бредём, всё больше уставая,
Кружится голова, тошнит немного –
От недостатка это кислорода.

*Трикони – железные скобы, набиваемые на подошвы ботинок

**Эльбрус – высочайший массив Б.Кавказа. Двуглавый. Зап. вершина – 5642 м., Вост. – 5621.. Большой энциклопедический словарь. М. 2002.

XX

Но вот какое-то строение,
И поднялось настроение,
Так называемый "Приют одиннадцати"...
Двуглавая вершина кажется уж близко впереди,
Но до неё ещё далёко,
Поэтому ночёвка здесь,
И рыхлый снег достаточно глубокий –
Проваливаешься сразу почти весь:
Но спать подольше нам не дали –
Уже в час ночи вынужденно встали.

XXI

Сковал морозец ночью снег,
На затвердевшем настe оставляя след,
Идём к вершине напрямик,
И впереди не то чтоб пик,
А сглаженный двуглавый великан,
Позёмка кружит, наст скрипит,
Неужто покорится нам,
А ночь светла – луна не спит.
Мы в заколдованный попали мир
На волшебства природы пир.

XXII

Понял, конечно, пронизательный читатель мой,
Что с Ави шли в связке одной,
Взбираясь вверх без рюкзаков и налегке –
Лишь только ледоруб у каждого в руке...
Идти вперёд уж нету сил,
На высоте совсем ослаб,
Я сел на снег, мне целый свет не мил...
Но Ави надо мной как некий маг,
Глаза блестят и смотрят строго:
"Идём, идём – осталось немного!"

XXIII

Поднял меня, сказав: "Вперёд!",
Себя я тотчас превозмог...
Скрипит опять под нами наст,
Он ночью твёрд и не предаст...
А вот между вершин и перевал,
Импровизированный накрыли стол,
Раздалось громкое: "Привал!"
Но мало кто к еде дотронулся и подошёл,
Тошнит и клонит в тяжкий сон,
Не взят как будто только Ави им в полон.

XXIV

Чуть отдохнули на привале,
Остались многие на перевале –
Не могут уже вверх идти,
Ах, с ними нам не по пути:
Вперёд – на западную "шапку" с Ави,
Она господствует над окруженьем гор
И грозно высится над нами...
С вершиной вступил Ави в спор :
Он хочет победить её хотя бы раз –
Настал его победный час!

XXV

Стояли гордо на вершине,
Счастливей не было нас в целом мире,
Под нами Ушба* в дымке нежной
Укрыта пеленою снежной,
Понизу облаков стада
В безбрежном неба океане,
Картина эта с нами навсегда...
Кружится голова в какой сладостной нирване**...
Рассвет уж близок – вниз пора,
Красот довольно, господа!

*Ушба – двуглавая вершина в центр. части Б.Кавказа (4700м)

**Нирвана – состояние отрешённости, блаженного покоя

XXVI

Закончился на побережии поход,
Где проходил туристов слёт,
В палатках жили и купались в море,
Резвились на солнечном просторе,
На прочих чуть смотрели свысока –
Не шутка ведь: два месяца в горах Кавказа...
Ночами звёздными сидели у костра,
Раскрыв рот слушали юнцы наши рассказы...
В молчании Ави у костра сидел,
Задумчив, на огонь глядел.

Глава восьмая

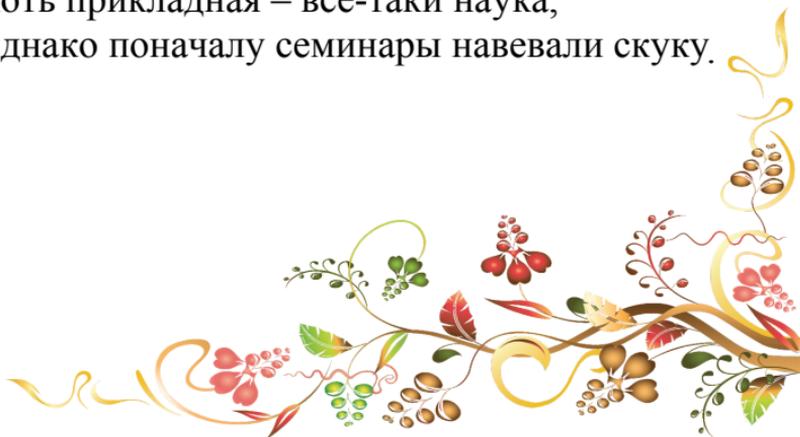
*"Своё затмение смертная луна
Пережила назло пророкам лживым.
Надежда вновь на трон возведена,
И долгий мир сулит оливам..."*

В.Шекспир. Сонет 107

I

Опять учёба, вновь университет,
И лето шлёт прощальный свой привет...
Экзамены и непрерывные зачёты,
И бытовые всякие заботы...
Настойчив Ави – хочется войти в науку,
В академическую, знает, не попасть:
Никто ведь не протянет дружескую руку...
Решился с семинара на кафедре начать,
Хоть прикладная – всё-таки наука,
Однако поначалу семинары навевали скуку.

II

Но постепенно понимает суть проблем,
И интерес к ним проявляет между тем,
И даже реплики бросает иногда,
Но сдержан в обращении, как всегда,
Вниманье обратили на него
и предложили, наконец,
С докладом выступить на семинаре,
Ворчали многие: "Уверен как в себе юнец!"
Но остальные просто вежливо молчали...
Крещение боевое принял Ави,
И от него успехов прозорливцы ожидали.

III

Писал диплом на кафедре в университете,
И не было счастливее его на свете:
Входил в научный круг наш Ави,
Хотя там вовсе и не ждали,
Протекции лишён был изначально,
Способностями брал, талантом, может,
Для некоторых казалось это тайной:
Ведь знали, что никто и не поможет...
Он независим и лишён каких угодно шор,
И всем теченьям плыл наперекор.

VI

Втихую надсмехались над Ави:
В научном споре поражение предрекали –
Отверг он путь достаточно надёжный,
Избрал оригинальный, по их мнению –
безнадёжный...

Не ведали, не знали его силы,
Возможности проникновения в глубь проблемы:
Глубокий ум и интуиция в нём жили,
И обещали в будущем научные победы -
Он мыслию над прочими парил,
Проблему чувствовал и ею только жил.

VII

Воспользовавшись методом механики небесной,
Конечный результат получен был
красивый и чудесный –

Вот где сыграли роль его обширные познания
И классиков глубокое влияние...

Доклад на кафедре был принят с одобрением,
Математическим талантом его звали,
Со скрытым даже некоторым почтением,
Но полной мощи Ави пока ещё не знали...

Дипломная работа оценена высоко – на "отлично",
Завкафедрой профессор поздравил его лично.

VIII

Весна, слух тешит птичье пение,
Закончена учёба – грядёт распределение,
Попасть в аспирантуру - Авина мечта,
Вполне осуществима ведь она:
Отличник и с хорошим поведением,
Корректен и в общении приятен,
На курсе общее сложилось мнение,
Что быть его руководителем
 завкафедрой согласен...
Увы, но обстоятельства сильней порой –
В аспирантуру не попал Ави весной.

IX

Предполагал он это и заранее,
Парткома* тяжкое влияние
Довлело над судьбою всех:
Евреем быть – тяжёлый грех,
"Пусть в списке он хотя и первый,
Отправить надо на завод –
В аспирантуру пускай серый,
Но коренной "русак" пойдёт",
Условия жизни диктовало время,
Несли его тяжёло бремя.

*Партком – партийный комитет

X

Хоть Ави всё и понимал,
С трудом реальности воспринимал:
Ведь вырос он в стране "свободной"
И человеком очень благородным,
И всяких комплексов лишён,
С лет детских знал, что все равны,
А среди равных был и он
Под красным знаменем страны.
Как нелегко щемящее взросленье
И позднее порой прозренье.

XI

Как отмечалось в предписании,
С заводом первое свидание
После каникул в сентябре...
И вот уж Ави налегке
Стоит у проходной большого зданья,
Такого мрачного, что дрожь берёт,
И отпадает всё желание
Идти во внутрь, но он идёт
Своей судьбе вперёд навстречу,
Блестящего грядущего предтечу.

ХII

Его, как важную персону,
Проводят в кабинет к патрону,
То бишь директору завода,
Писал тот в это время что-то,
Хотел, чтобы освоился немного Ави
В большом просторном кабинете,
Потом сказал: "А мы Вас ждали,
Давно у нас Вы на примете:
Знакомы мы по семинарам,
Где время проводили Вы недаром.

ХIII

Понятно Ваше разочарованье,
Что на завод попали и желанье
Всего себя отдать науке...
Поверьте, нам нужны не только руки.
Мы только-только родились,
Нам не известна вовсе скука,
Как тесно здесь переплелись
И производство и наука,
И не жалеете, что с дипломом красным*
Попали на завод напрасно.

*Красный диплом – диплом отличника

XIV

В теоретический отдел хотите?
Надеюсь, там всех вскоре удивите:
Приборы наши будут лучшими, я знаю,
И в этом Ваша роль большая будет, полагаю;
Проводят Вас и сразу же за дело:
Отчётов множество и зарубежных так же,
Решительно беритесь, смело,
Работайте упорно и прилежно:
А результат себя сам вскоре и проявит –
Оценкою отличной позабавит!"

XV

Теоретический отдел: все молоды однако,
Вокруг него весёлые ребята,
И мериться взялись тотчас же силой,
Но Ави показал, что парень он не хилый,
Поочерёдно кинув их навзничь,
И смерив всех смешливым взглядом,
Издав победный громкий клич,
И убедились сразу кто был рядом:
Что к ним в ряды влился боец,
Возможно, лидер, наконец.

XVI

Отчётов множество, читает их упорно,
Повторы часты, кое-что и спорно,
Но где найти всё ж правильный ответ?
И просит у начальника совет,
Но тот не знает, что сказать:
"Возможно, что коллега зарубежный лучше знает",
И перелистывает Ави их опять,
Но ясность в мыслях всё не наступает...
Закончен день, и все бегут домой,
Спешит в библиотеку наш герой.

XVII

Научные журналы перед ним,
Сидит часами он над ними недвижим,
И ищет хоть какого-то ответа
Иль непрямого, может быть, совета...
И, наконец, явилась мысль простая:
Интуитивны инженерные расчёты,
Необходима строгая теория такая,
Свободна что от этих недочётов,
И он нашёл то, что искал,
И счастлив, что на истину напал.

XVIII

И стали для него приборы как родные,
Воочию он видел электроны голубые,
И управлялся с ними очень смело,
Приборы дерзко проектировал, умело.
Все говорили: "Ави - это голова!"
Но думал он уже о диссертации,
Статьи оригинальные в научные журналы
стал писать тогда,
Просил учёных дать ему рекомендации...
Сплотился коллектив вокруг него –
Все признавали лидерство его.

XIX

Прошло два года: мэтр Ави,
Учёные уж многие его признали,
Доклады делает на конференциях и семинарах,
И уваженье заслужил у академиков
и молодых и старых.
На кафедре родной нередко выступает,
Привносит зачастую новые идеи,
А дерзкого дипломника
профессор помнит, почитает –
Учёный истинный он в самом деле.
Научный начинает пожинать успех,
Но от любовных всё еще далёк утех.

XX

"Работ у Вас уже немало,
У аспирантов многих их не доставало,
Хорош и диссертации макет,
Увидит, я надеюсь, вскоре она свет,
Но́, как председатель Учёного Совета,
Я не могу Вас преждевременно представить,
Поэтому, послушайте, пожалуйста, совета:
Возможно, следует в работу кое-что добавить...
И, кстати, аспирантский требую экзамен сдать,
На подготовку я могу полгода-год Вам дать.

XXI

Ах, не сдавали остальные до сих пор?
И не вступайте со мной в спор,
Начать ведь надо же когда-то,
Вот, говорят, у Вас ума палата,
Поэтому начнём всё ж с Вас:
Обширную программу мне представьте,
Конечно же, не сразу, не сейчас,
Мне удовольствие доставьте
Предмета поделиться своим знанием...
Пожалуй, всё, прощайте, до свидания".

XXII

С профессором закончена беседа,
А прыткий Ави—непоседа
Спешит уже в "свою читальню",
И, подчиняясь желанью
Скорей работать над программой,
Он выбирает главный путь,
И как всегда, не лёгкий самый:
В чём приближённых методов всех суть...
Но я не стану тебе, читатель, объяснять —
Мне самому то было не понять.

XXIII

Всё лето жаркое трудился Ави,
Знакомился, что классики на эту тему написали,
Прочёл немало книг, статей журнальных,
Проблема прояснилася, не оставалась тайной;
Он подготовился добротнo и надёжно,
Но, зная нрав профессора, всё ж полагал:
Пройти экзамен будет ему сложно —
Ведь в облаках он не витал...
И вот встречается с завкафедрой опять,
Чтоб разговор о приближённых методах начать.

XXIV

Экзамен ко́роток, чем несказáнно удивлён:
Профессор знаниями Ави поражён,
Конечно, ставится ему отметка "пять",
Беседу же завкафедрой всё хочет продолжать:
"На конференции был я недавно —
Там академик выступал,
Доклада тема так была нежданна,
Необычайна для него и он сказал,
Что создана теория известного прибора, наконец —
Пришёл научным спорам всем конец!

XXV

Приоритет и первенство его ученые признали...
А как относится к проблеме этой Ави?!"
"Задача сложная, знаком не понаслышке,
Но дифирамбы петь пока кому-либо излишне:
Теория та хороша лишь для студентов
И описанья только кинематики явленья,
Да срыва продолжительных аплодисментов...
Не может быть иного, полагаю, мненья,
Что главное не учтено в приборе,
И далеко, поверьте, до конца в научном споре.

XXVI

Для полного фундаментального расчёта,
Нет, недостаточно лишь одного почёта —
Иные методы диктует время,
Оно и снимет затруднений бремя:
Они уж есть и пользуемся ими,
Вы помните доклад на семинаре,
Я ознакомил слушателей с ними,
Недоумённо все тогда молчали:
Компьютеров эпоха настаёт
И заставляет нас идти вперёд!

XXVII

Бесспорно, я не верю в то, что автоматы
Заменят светлый ум и вроде как бы рады
Повсюду человека исключить,
А будут лишь ему служить:
Ведь творчество в руках у человека,
С рождения природою оно дано,
И бескорыстно ею подарено от века —
Ему творить и суждено...
Да, отказаться от привычного так трудно —
Оно сидит в каждом из нас подспудно!"

XXVIII

На этом разговор не оборвался...
Как Ави мне потом признался,
Профессор несколько был всё ж растерян,
Но важен и по-прежнему в себе уверен...
Он с любопытством посмотрел на Ави,
Потом откинулся в кресле широком:
"Ну что ж, экзамен Вы прекрасно сдали, -
С хитринкой улыбнулся вроде ненароком, -
Ещё придётся рефератом Вам нас позабавить,
И где-то через год-другой на кафедре
представить".

Глава девятая

*"Что может мозг бумаге передать,
Чтоб новое к твоим хвалам прибавить?
Что мне припомнить, что мне рассказать,
Чтобы твои достоинства прославить?.."*

В.Шекспир. Сонет 108

I

В

аш озадаченный герой

Идёт с поникшей головой...

"И почему чинят ему препоны,

И есть ли здесь вообще законы:

Экзамен только он сдавал,

Теперь вот реферат научный,

И не по теме диссертации, профессор так сказал,

И по какой причине его мучат...

Не потому ль, что он не "коренной",

Хоть вырос здесь, но всё ж не свой..."

II

Но не в его характере хандрить –
Препятствия лишь могут раззадорить, разозлить...
И вот опять библиотека вечерами,
И дома допоздна, сидит даже ночами,
И выбрал тему реферата непростую,
Штудирует литературу новую и прежних лет,
И дни проходят не впустую,
И вот уж истины забрезжил свет:
Обобщен им известный матерьял,
Который в книге академик начертал.

III

Написан реферат – закончено большое дело,
В его руках оно так и горело,
Всё обстоятельно изложено, подробно,
От прежних ране формул производно...
Профессор поражён и темой реферата
И сроком представления работы,
Для кафедры так тема актуальна –
Сняты с него частичные заботы...
Доклад на кафедре прошёл успешно,
Два оппонента потрудились прилежно.

IV

"А вот теперь пишите диссертацию,
И на заводе получайте аттестацию,
Представьте потом её в Совет,
И вскоре дам я положительный ответ,
Но не подумайте, что всё пройдёт мгновенно,
У нас ведь много всяких дел,
Поочерёдно все проходят постепенно –
Таков уж соискателей удел,
Конечно, пропущу вперёд своих я аспирантов,
У них немало, так же как у Вас, талантов.

V

Заранее, безусловно, авторефераты разослать,
Их отпечатайте примерно экземпляров
двадцать пять,
Двух оппонентов, уважаемых учёных, подыщите,
И оппонирующую организацию найдите,
И все они должны прислать нам отзывы в Совет,
Оформленные, ясно, официально,
Тогда о времени защиты будет дан ответ,
Пока же это остаётся небольшою тайной...
Вперёд! у Вас ведь дел ещё так много,
Не думайте, что поступаю с Вами
слишком строго".

VI

Довольно быстро и легко написана работа,
А где печатать? вот ведь заковыка и забота,
Ведь строго заявили в спецотделе:
Печатать на заводе, неужели
Никто помочь здесь Ави не захочет?
Но всё ж договорился и с начальником
и с машинисткой...
Машинка пишущая уж стрекочет,
Печатают с ошибками и не с одной опiskeй,
Но дело движется; при этом выполняет Ави
все текущие работы,
И это, несмотря на суетливые заботы.

VII

Графический матерьял, конечно в туши,
уж готов,
За это взялся безо всяких лишних слов
Знакомый техник, за вознагражденье...
Снять копии с рисунков – вновь мученье:
Ведь надо разрешенье спецотдела –
На каждом листике печать,
Но это ведь ещё полдела...
Где переплёт хороший взять?!
Читатель молодой, тебе всё это,
к счастью, незнакомо,
И Ави не хотелось бы пройти путь этот снова.

VIII

Все отзывы получены, отправлены в Совет,
Теперь придётся ждать ответ.
Бумаги, документы там лежат,
В Совете все как будто спят,
Но вот... назначена дата защиты,
Всему приходит ведь конец...
Члены Совета важны, сановиты
Рассаживаются наконец...
Подтянут Ави, строг, серьёзен –
Ведь предстоит экзамен ему грозен.

IX

Зачитываются документы Ави,
Потом ему для выступленья слово дали,
На кафедру восходит он,
Учёные мужи вокруг, как будто сон
Он видит явно пред собою,
И даже сейчас в некоем волненье
И я, и этого не скрою –
Горжуся им: он впечатленье
На всех большое произвёл,
То настоящий триумф был, то был фурор.

X

На все вопросы Ави отвечал свободно,
И даже пояснил проблему очень благородно,
Над всеми духом он парил,
И, не смущаяся, разил
Своим отточенным умом,
Не защищался вовсе – наступал,
Случайно услышал на заседание том:
"Большой талант или нахал", -
Шептал профессор старенький соседу,
Но это к слову, кануло давно уж это в Лету.

XI

Гордятся многие его успехом,
Тайком же кто-то с гнусным смехом
Его достоинство пытается принизить
И тем себя хоть несколько возвысить,
Но Ави знает себе цену,
Не замечает шёпоток,
И словно грязевую пену
Навет сметает, чтобы чистый ток
Его дальнейших устремлений
Не сковывал мятежных побуждений.

ХII

А что же далее? – ведь многого добился:
Получен и диплом, оклад, который и не снился
Ему, простому инженеру,
Неужто это всё, и сделал он карьеру?!
А как же прежние мечтанья
Не в прикладной, конечно же, науке,
Его подспудные желанья
Уйти от повседневной скуки,
И нечто поменять в сферах высоких,
Ах, от него пока ещё таких далёких?

ХIII

И вот с начальством трудная беседа:
В библиотеке заводской до самого обеда
Он занимается образованием
В согласии с своим желанием,
А после – время всё работе...
Пошло начальство на условия его –
Уж очень ценится он на заводе,
Не выразив негодованья своего,
Но посчитало Ави слишком своевольным,
В своих намереньях несдержанно-свободным.

XIV

Да как понять строптивца Ави!?
Таких, как он, от века никогда не понимали:
Сиди себе спокойно – получай зарплату,
И отмечай до пенсии за датой дату,
И опрометчивых не принимай решений,
Всегда довольствуйся привычными делами,
К начальственным прислушивайся мненьям –
Начальники решают сложные вопросы
пускай сами!

Но Ави не был всё ж таков –
Пустопорожних не любил он слов.

XV

Но в трудных ситуациях без Ави, ну никак,
не обойтись,
Беседы долгие на совещаниях велись:
"Заманчивый заказ предложен очень важный,
Возьмёмся за него все дружно и отважно,
И консультанты вóт из университета
Дали добро на разработку нового прибора,
И с ними было совещание, приватная беседа,
Хоть без научного не обошлось спора...
Один лишь Ави мутит ясный свет –
Считает, ничего оригинального
в приборе этом нет.

XX

Какие открываются просторы,
Когда вникаешь в корифеев споры,
С высот какой прекрасный вид...
Ему профессия претит:
Одно и то же каждый день –
Расчёты по известным схемам,
И наступает даже вяжущая лень
И нежелание к переменам...
Но улыбнулась судьба и в этот раз:
Настал для Ави звёздный час!

XXI

От министерства важное постановление –
Большая тема по программному обеспечению
Автоматизированной системы,
И нет сейчас в министерстве боле
важной темы...
Тотчас основана теорлаборатория,
Но кто ж возглавит направленье это,
Такая вышла вот история:
Никто не хочет браться за рискованное дело...
И нехотя начальство предложило
руководство Ави,
Согласен! Но другого от него не ожидали.

XXII

Сплотил тотчас же коллектив отменный,
Распоряжения его для исполненья неперменны:
Ведь времени осталось в обрез,
Тематика имеет такой вес,
Что́ её невыполнение
Последствиями всякими чревато,
Грозит для многих увольнением –
Ведь, к сожаленью, жизнь
на неприятности богата...
И Ави знает это всё, и тем не менее
Он тому выполнит! И в этом нет сомнения!

XXIII

Погружен в дел водоворот –
Хлопот у Ави полон рот,
Все мысли только лишь о теме,
А что же делать в самом деле?
Начальство каждый день зовёт,
Отчёта требует у Ави,
И график чёткий задаёт,
Чтобы работники не спали:
А что начальству остаётся –
Ведь без него всё создаётся.

XXIV

Быстрее, быстрее торопит время,
Нелёгкое какое бремя
На плечи он себе взвалил,
Неужто у него не хватит сил
Успеть закончить тему в срок?
Но Ави знает, что он сможет –
Ему поможет его Бог,
Сомненья вовсе и не гложут,
Вперёд идёт, как шёл и ранее –
Такое уж его призвание.

XXV

Как выросли его ученики!
Хотя пути и не легки,
Что Ави предложил и проложил,
Как знаем – лидером он был,
И все счастливые его идеи
В программы быстро воплощали,
Плоды труда их постепенно зрели,
Затем чтоб диссертациями стали,
Научный коллектив создал –
Во всём искал он идеал.

XXVI

Настало время, пишет он отчёт,
На титульном листе лиц мало, все наперечёт,
И многие стараются туда попасть,
Скандал бушует – просто страсть:
Попутчиков он отметаёт твёрдою рукой,
Бескомпромиссно действует и без уступок,
Для многих стал совсем чужой,
Припомнят в скором времени его поступок;
Да, изменять себе он не хотел,
А приказать ему никто бы не посмел.

XXVII

Всё отзовётся в будущем ему,
Не задавайся риторическим вопросом: "почему",
Не удивляйся только этому, читатель,
Таким уж создал человека сам Создатель:
Он заложил в нас свет, но также темь,
Душою освятил нетленной,
И подарил и ночь, и день,
И жизнью озадачил брэнной...
Неправда есть всё ж в мире, почему?
Создатель не ответил никому.

XXVIII

А Ави на вершине славы,
Его не тешат легкокрылые забавы –
В библиотеке целый день опять,
Не надобно нам снова повторять:
Штудирует он книги том за томом,
Уходит мыслью глубоко, –
Тебе, читатель, это уж знакомо, -
Витает в облаках он далеко,
И мысль оригинальная приходит,
Её он холит, но пока неволит.

Глава десятая

*"... Так пусть же книга говорит с тобой.
Пускай она, безмолвный мой ходатай,
Идёт к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты..."*

В.Шекспир. Сонет 23

I

го широкое образование
Находит общее признание:
Статьи его глубоки, ясны,
Искать ошибки в них – лишь труд напрасный...
Разделы все в своей науке охватил:
Он ищет новое, находит,
И направленья разные развил,
Энергия кипучая в нём бродит,
И аспиранты его ценят не напрасно,
Он уделяет им вниманье ежечасно.

II

По-прежнему он бодр, подтянут,
Рассказывать легенды-байки потом станут,
Как ранним-рано с самою зарёю
Он на работу лесом шёл, и я не скрою,
Ему завидовал слегка,
Он на завод мог два часа шагать,
Не приседая никогда,
И целый день не уставать...
А вечером – в обратный путь,
Как тут от белой зависти нам не вздохнуть!

III

Зимой – на лыжах и в любой мороз,
Приходит на работу – весь промёрз,
От снега отряхнётся – за рабочий стол,
Как будто два часа он вовсе и не шёл;
А в темноте идёт назад,
Один в лесу... представить страшно,
Скользит на лыжах и движенью рад,
Не думая, как это всё ж опасно.
Был молод Ави, полон сил,
О снисхождении не просил.

IV

Как хорошо в лесу зимой и летом,
Родился Ави, без сомнения, поэтом:
Любуется небесным омутом глубоким,
Не чувствует себя он вовсе одиноким –
Ведь с ним знакомые лыжня или тропинка,
Петляют меж дерев они,
А вот знакомая осинка,
Что лучше может быть, чем эти молодые дни.
В самом движении ощущает радость
И жизни прелесть, и желаний сладость.

V

Приборы для него совсем родные,
И словно дети дорогие,
Он чувствует их, даже ощущает,
И, кажется, они к нему любовь взаимную питают,
Его проекты безо всякого сомненья
Берутся в производство сразу,
А он их покидает не без сожаленья,
И вносит лишь в компьютерную базу;
Но область интересов его слишком широка,
Подталкивает это к росту и вовсе не слегка.

VI

Чтобы от жизни не отстать,
Он должен доктором физмат* наук скорее стать:
Решил не он, так порешили обстоятельства,
И взяв перед собой очередные обязательства,
Сосредоточился на этом;
Предвидел многое, конечно же, заранее,
Но диссертация, не думал, станет тем предметом,
Раскроет что характеры, нарушит его чаянья:
Ах, многие припомнили обиды –
В дискуссиях им были крепко биты.

VII

Для Ави диссертация – итог формальный,
Всем было ясно изначально,
Что получив научное признание,
Высокого достоин звания.
Защита только избранным возможна по докладу,
Но не относится к нему всё это:
"Ведь с ним и так уж нету сладу,
Поэтому используем исподтишка
мы право "вето"**, -
Так местные решили "мудрецы",
А в воду всё же прятали концы.

* физмат – физико-математических

**Право "вето" – право накладывать запрет на какое-нибудь решение, закон

VIII

И зачастили на завод гонцы из института:
"Попридержите своего вы "шалопута",
Не оберётесь потом хлопот,
У вас их будет полон рот...
А мы его докладывать обяжем,
По диссертации устроим пренья,
И по рукам и по ногам так свяжем,
Что никакого не останется сомненья:
Сырая диссертация и не полна,
И в этом виде для защиты не годна!.."

IX

Но бедный Ави ничего не знал,
И только чувствовал, предполагал:
Пройти придётся не один круг Ада,
Вся свора эта будет очень рада,
Когда сорвётся на каком-нибудь витке,
В дискуссии ли иль на заседании,
Сейчас главное – держать рот на замке –
Не выдавать свои намеренья заранее,
И... разорвать ударом вдруг
Порочный этот мрачный круг.

X

"Завод не может отзыв дать на диссертацию,
А так же для защиты нужную рекомендацию,
Другое дело – университет...
У нас учёных на заводе не было и нет,
Мы производственники, только инженеры,
Приборы выпускать – наша забота,
Необходимые предпринимает меры,
Чтоб планы выполнялись наши споро...
И доложиться, и не раз придётся там,
И не устраивать ненужный балаган..."

XI

Но хорошо, что мир всё ж очень разнолик,
Сдаваться Ави вовсе не привык,
Принялся за тяжёлую работу,
Взял на себя немалую заботу
О месте, времени защиты диссертации,
Всё разузнал: что, где и как,
Впоследствии получит все рекомендации,
Но это уж потом, не просто так,
А лишь когда представит свой научный труд
В столице, в Академии Наук.

ХII

"А что нам ваш университет,
Страшнее кошки зверя нет?!
Как мы решим – вот так и будет,
История потом рассудит,
Расставит по своим местам,
Учёный Вы известный, знаем это
По Вашим многочисленным трудам,
И что нам их многозначительное "вето"?!" –
Известный академик так вещал,
К защите диссертацию принять он обещал.

ХIII

А вот и продолжение истории:
В университетской аудитории
Стоит за кафедрою Ави,
Ему старательно внимали
Профессора, доценты и студенты,
Со многих кафедр проявили интерес...
Не ждут его конечно комплименты –
Нападок лишь тяжёлый пресс,
Волнение, разумеется, его не оставляет,
Но настоящий бой он дать желает.

XIV

Профессор-председатель унимает шум,
Но всё равно стоит неясный гул:
И перешёптывания, и насмешки,
А на скамьях последних щёлкают орешки,
Пришли смотреть на представление,
Как будут Ави "прессовать",
Ведь это редкое явление –
К защите докторскую не представлять,
К завалу диссертации ведь всё готово –
И Ави, наконец, даётся слово.

XV

Он уложился в сорок пять минут,
Обычно больше не дают,
Дал чёткие к рисункам пояснения,
Не чувствовалось в нём волнения,
А лишь уверенность и сила
В своей конечной правоте,
Которая наотмашь била
По их научной слепоте,
И не оратор был, не Цицерон*,
Но властвовал над залом он.

*Цицерон – древнеримский политический деятель,
оратор и писатель

XVI

Закончил Ави, пренья начались,
И за него как следует взялись:
Унизить надо, растоптать,
Он – инженер, а тут – ведь знать,
Университет вам не завод простой,
Науку делаем лишь мы,
А Ави нам совсем чужой,
Элита только здесь большой страны...
Что можно возразить, когда тебя
и слышать не хотят,
И о себе высоко слишком мнят?!

XVII

Уж председатель пренья прекратил,
Он вовсе, кажется, забыл
Последнее дать слово Ави,
Его уж вроде бы не замечали...
И на трибуне Ави внове,
Суров, спокоен его вид,
Непобеждённым выглядит он в споре,
И... несколько минут молчит,
Притих весь зал в каком-то ожиданье:
Что скажет в запоздалое
ненужное сейчас уж оправданье?!

XVIII

И он среди недружеского стана
Бумагу достаёт из своего кармана,
Читает громко, нараспев
Хвалебный отзыв академика и что успех
Ему, конечно, обеспечен,
Что результаты бесподобны и верны,
Он Божьей искрою отмечен,
Приборы так нужны для всей страны...
Все встали и... аплодисментов шквал...
Такого зал ещё здесь не слышал!

XIX

В столице защитился он блестяще,
Просили в Академии Наук бывать почаще –
Ведь консультант он был отменный,
Участник конференций непрременный...
А на заводе его встретили не то чтобы радушно,
Скорее с некой долей скептицизма,
И, может, даже просто равнодушно,
Но не убавило ни твёрдости его, ни стоицизма...
В конце такого вот насыщенного года
Услышал: "Ави – гордость еврейского народа!"

XX

Но не одной наукой жил всё ж Ави,
Он был чувствительнее даже, чем то ожидали,
Далёк был от причуд любовных,
Тем боле от разгульных нравов и свободных,
Свою любовь он ждал настойчиво и верно,
И, не размениваясь на пустые встречи,
Он знал заранее: придёт она наверно,
Романа долгого счастливого предтеча;
Желал и верил, в снах она являлась,
Волшебной феею прекрасною казалась.

IV

Но есть, конечно, чистотой хранимы,
Как бы посланцы неба: девы-херувимы,
Красой земной наделены,
Благожелательства полны,
И ищут чистотой себе подобных
Средь юношей примерно тех же лет,
Надёжных, нешумливых, благородных,
Которым девушка никак не скажет "нет" ...
К подобному ведь тянется подобное –
Распорядилась Воля так свободная.

V

Настал тот миг весной, когда всё пело,
И время для большой любви созрело...
Случайно ли?! пошёл на вечер встреч
И... белизною её плеч
Был восхитительно пленён,
И гордою её осанкой...
Ах бедный Ави, так попал в полон,
Зашлоя сердце мукой сладкой,
Не думал вовсе и не рассуждал –
Он видел в ней свой идеал.

VI

Спускалась в это время вниз,
Иль случая то был каприз,
То ли Всевышний захотел,
Чтоб Ави просто обомлел,
И... он пошёл за нею следом,
Всё же немного сторонясь,
Как я уж говорил, он был поэтом,
Сам на себя по-прежнему дивясь,
Понял, что то была Она,
Свела неожиданно что его с ума.

VII

И вовсе не оборотилась,
Мгновенье, долго ли то длилось?!
С улыбкой белозубою жемчужной
Родною стала вдруг, не чуждой,
Взяла под ручку его сразу,
В ней теплота была и нежность,
О встрече не жалел потом ни разу:
То был не случай – просто неизбежность,
Сердца их бились в унисон,
Волшебной мантией пленительный окутал сон.

VIII

Красавиц дочерей роди́ла,
Была в ней жизненная сила,
Шла будто от самой земли,
И энергичные свои мечты
В реальность тотчас превращала,
Была всегда словно в бою,
И будущему завещала
Немеркнущую красоту свою.
В плену был Ави её чар,
Изъянов в ней не замечал.

IX

Учениками окружён, в большом почёте Ави,
Но в вуз профессором его всё же не брали,
Он позарез был нужен на заводе,
Один звонок оттуда или что-то в этом роде,
И вежливый отказ с надуманным ответом,
Начальство отпускать его никак ну не хотело,
Ведь отражённым светило его светом,
А он пытался уйти с завода то и дело,
Но право телефонное имело мощь большую,
В судьбе людей играло роль нередко роковую.

X

Взрослели дочери, тесны им стали стены
Большой страны, её пределы,
И стали собираться в дальнюю дорогу:
Настали времена другие, слава Богу.
А как же Ави? должен был уволиться с завода,
На выезд иначе не будет разрешения,
Но и его пьянила предстоящая свобода,
Пока что рисовалась лишь в воображении.
Ветра́ другие пели над страной –
Несли с собою боевой настрой.

XI

И вот свободен... дочери далёко,
И чувствует себя с любимой одиноко,
На выезд разрешения не дали –
Предчувствовал и знал всё это Ави,
Но не сдаётся, борется он за свою свободу,
И регулярно с просьбой в "серый дом"
Он обращается и, слава Богу,
Не в заключении, не осуждён...
Так продолжалось лет немало,
Нежданно творчество его спасало.

XII

Он тосковал по дочерям,
И вот не знает даже сам,
Как рифмы стали вдруг слагаться,
И стало будто бы казаться,
Что кто-то их диктует свыше,
А он спешит их записать:
И ветра шум, капель по крыше –
Заносит всё в свою тетрадь,
И полнятся тетради и блокноты,
И дарят ощущение свободы.

XIII

Не жаловался он никому и никогда,
И оптимистом слыл – улыбчив, как всегда,
Но я то знал, как тяжело ему живётся,
И долго ждать ещё придётся,
Пока преодолет тягостный заслон,
Без средств к существованию остался –
Таков суровый "справедливый" был закон,
Как только ни пытался
Преодолеть "железный занавес", но тот был
ещё в силе –
Ах, станцевал бы с радостью он на его могиле.

XIV

Но как-то раз вновь посетил тот самый Дом,
Где много месяцев бывал уж он,
Мимо дежурного прошёл тогда:
"Остановитесь! Вы куда?!"
Но что остановить могло сейчас Ави?
Его как будто кто-то вёл,
Конечно же, его не приглашали и не звали...
И смело в боковую комнату зашёл:
Сидит там женщина в полковничьих погонах,
Пред нею папки и бумаги целый ворох.

XV

Красивая, с седою гривой,
Казалась вовсе не спесивой,
И только смотрит с удивленьем,
А он представился; с большим сомненьем
Подумалось о предстоящем разговоре,
Но что поделать? он решился,
И будто бросился в бушующее море,
Поступок безрассудный всё ж свершился:
Иной раз вроде неразумный путь
Нам не даёт на ложную тропу свернуть.

XVI

А Ави был хорош собою,
И я вам вовсе не открою
Ту истину, что хоть полковником была,
Но всё же женщина она,
С симпатией на Ави посмотрела,
Что скажет, наконец-то, он,
Причёску поправляла то и дело,
И он пошёл в атаку напролом,
Недаром смелость города берёт,
Но, к сожаленью, их наперечёт.

XVII

Чем поединок тот закончился, не знаю,
Но Авиной победой, полагаю...
Стал сантименты разводить
И на чувствительность давить:
Такую вот красавицу увидел что впервые,
И не понять его она не может,
Прекрасные её глаза такие...
И совесть душу её гложет,
Что он в разлуке с дочерьми,
Как одиноки там они!

XVIII

Ещё он что-то говорил,
И изо всех старался сил
В ней человеческое разбудить,
Да что об этом говорить!
Не он вещал, вещало небо,
Сам небосвод ему помог,
И словно в колеснице Феба*
Промчался перед нею бог,
Им очарована она,
Благожелательства была полна.

XIX

С тех пор не видел больше Ави,
Но многие его встречали
То в нашем городе порой
Иль даже дале, за чертой:
Ходили слухи, что в Иерусалиме
Живёт со всей большой семьёй,
И нет счастливей его в мире,
И там он свой, а не чужой,
И занят, как всегда, безмерно,
А чем? никто не знает этого наверно.

*Феб – другое имя Апполона как всевидящего, солнечного божества

XX

Теперь прощаюсь с вами я,
Читатели, мои друзья,
Долготерпение ценю
И за него благодарю.
А так же мне весьма отрадно,
Что не скучали всё ж порой,
И прошлое внимали жадно,
И Ави стал совсем родной,
Надеюсь, что пребудет с вами,
И, как и я, останетесь друзьями...

Октябрь 2013

*"Не изменяйся, будь самим собой,
Ты можешь быть собой, пока живёшь.
Когда же смерть разрушит образ твой,
Пусть будет кто-то на тебя похож..."*

В.Шекспир. Сонет 13

Послесловие

I

Расстались мы с тобой, читатель,
Но, видно, так хотел Создатель,
Чтоб встретились опять сейчас,
Так было уж со мной не раз,
Когда годами умудрённый,
К прошедшему невольно возвращался,
Душою несколько смущённый
Себе я даже в том не признавался,
Что прошлое всегда ведь с нами —
Вершит грядущими судьбами.

II

Я встретил Ави через много лет,
Когда ушедшее сказало вроде "нет":
Оно теперь далёко, укатилось,
В грядущее втайне оборотилось...
А повстречались на Святой Земле,
Куда был занесён самой судьбою,
И эта встреча памятна до сих пор мне,
И я, читатель, к радости, не скрою,
Что образ Ави не потускнел в глазах моих,
И он опять вошёл в мой стих.

III

Случилось то в Иерусалиме...
Ах, памятен мне взрыв автобуса поныне,
Когда случайно оказался рядом,
Всё происшедшее казалось просто Адом,
Не буду ужасать тебя кошмаром этим,
И, к сожалению, то́ было не раз...
Своё мы будущее сами метим,
И, к счастью, не в автобусе я был сейчас,
А только рядом оказался
И потому живым остался.

Х

Когда увидел я Иерусалим,
То сразу покорён был им,
Он жил всегда в моей душе,
Но где-то там, в какой-то глубине,
Не грезил вовсе наяву:
Мечты замёрзли, видимо, в снегах,
И всё было подобно сну
В бескрайних ледяных полях...
Но отогрел меня всё ж он –
Как счастлив, что то не был сон.

ХІ

И полюбились сразу хólмы,
Что волнам, милым мне, подобны –
Ведь много изучал я их,
Они естественно вошли в мой стих;
Давно на них уже плыву
И воспеваю постоянно –
Напоминают мне волну,
Но вот, что кажется довольно странным:
Рождённую не на родной Земле,
А в звёздном ма́нящем луче.

XIV

И с гордостью стихов тома
Мне показал, хотя казалось иногда,
Грустинка лёгкая в глазах стоит —
Она о многом говорит:
Быть может, это дань годам,
Невозмутимой молодости силы,
Ах, безусловно, не признается он сам,
Воспоминанья что ему до сих пор милы...
Иди вперёд, не обращай внимания на время,
Тогда и тягостно годов не будет бремя.

XV

Был удивлён таким количеством томов,
Хоть знал, что к отступленью Ави не готов;
Нашёл другое поприще для своего таланта он,
И этим был я сильно поражён.
И здéсь достиг своей второй вершины:
Стихами выражено всё,
Чем чувства его живы,
Таилися в груди давно.
Коль искра Божия таланта есть,
Достоинств истинных не перечеть.

XVI

Картина жизни им представлена какая!
Бурлит в стихах действительность живая:
Тут и любви цветов признанья,
И муки ревности, страданья,
И песни об Иерусалиме,
Таким родном ему и близком,
Людских горячих слёзах в мире,
О небе от грехов и скверны чистом...
О многом он сумел сказать,
Своим потомкам передать!

XVII

А философские какие рассужденья,
В них отразилось убежденье
В творении мира из простого "ничего",
и что́ с того,
Что он, как все, не знает, что такое время,
Подобное реке могучей,
Энергии несущей бремя
Сквозь буруны и завихренья, кручи.
Да, затронул тем отнюдь немало,
Но это далеко не всё, его что волновало.

XVIII

И о политике писал, о власти неумной,
Толпе, в своих блужданиях свободной,
Трагедия и фарс звучат одним аккордом
И в баснях, юморе оригинально-бесподобном.
Есть книги для детей больших и малых,
Художественно оформленных прекрасно,
В общем, для всех, в том числе, конечно,
и для старых,
Написанных с душою очень страстно...
Любое творчество питает душу Ави –
Как он, такого мы ещё не знали.

XIX

- А как с наукой, неужели всё?
- Давно есть в мыслях кое-что.
- И в области какой намерен ты творить?
- Во-первых, собираюсь ещё жить,
А во-вторых, задумки есть и даже две,
Которые давно кружатся
В моей бедовой голове,
И невозможно с ними мне расстаться.
Ах, Ави, Ави, ты неугоним –
Неутомимый вечно пилигрим.

XX

"Но главное, не книги всё же – внуки,
Они родились здесь, и не для муки,
Для жизни на земле прекрасной,
Хотя и несколько опасной,
И верю, защитят её надёжно,
Воспитываю верными бойцами,
Жизнь тут, конечно, не проста, а сложна,
Но хорошо, что здесь они и вместе с нами".
Всю жизнь он истину искал –
Нашёл в потомках идеал.

XXI

Вот, собственно, и всё об Ави.
А вы о нём случайно не слышали?!
Услышат вскорости повсюду, верю,
Талантом его будущее мерю.
И если с ним хотите повстречаться,
Живёт в Иерусалиме и в согласии с собою,
И даже может статься
Поделится своей дальнейшею судьбою.
Он знает для чего живёт,
Талант – его переживёт!

Декабрь 2013

Стихи Ави, подаренные мне при нашей встрече в Иерусалиме:

Омут

Незаметно месяц гладит
Тучку милую свою,
И с собою в омут манит -
Первозданну глубину:

"Там, где звёзды грезят вечно,
Меж собою говорят,
Путём дальним чистым Млечным
В даль грядущего манят,

Мы печалиться не будем,
Тучка милая моя,
Всё, что было позабудем,
Вместе будем навсегда..."

Но проказник-месяц всё же
Ей по-прежнему не мил,
Не увлѣк на своё ложе,
Хоть и всю посеребрил.

Осенний мотив

Тени стали длинны –
Солнце низко ходит,
И листы невинны
На земле находит.

Их оно пригреет,
Прибодрит чуть всё же,
Может, пожалеет
На их мягком ложе:

Вовсе не напрасно
Лист лучом достанет,
И, как прежде, страстно
Миловать им станет.

Танство

Звенела тишина, манила
Каким-то томным торжеством,
Волшебная была в ней сила
В таинстве призрачном своём.

В ней было всё, что так от века
Смущает даже небеса,
Уводит прочь от суетного бега
В какой-то омут... просто в никуда.

Она плыла, плыла, безбрежна,
Вуалью чудною такой,
Несла своею чистотой безгрешной
Душе усталой сладостный покой.

* * *

Падают листья на землю сырую,
Ветер срывает и страстно целует,
В порыве безумном и кружит, и кружит,
Внезапно бросает на хладные лужи.

Срывая другие, ласкается внове –
Всегда ветер буйный шалить наготове!

* * *

Рождались звуки в тишине хрустальной,
Шли ниоткуда, может, изнутри,
Грядой аккордов светлых и необычайных
В таинственные дали за собой вели.

Неслись всё время в высь,
Лучами призрачно играли,
И с ними как-то вдруг слились –
Умчались в голубые дали.

Желанье жить – что может быть отраднее,
 Пронизанное пламенем любви...
 Ах, это дал Всевышний нам заранее,
 Тем бескорыстно подарив свои мечты.

Он дал нам всё и грешен тот, кто смеет,
 Его хотя бы тайно в чём-то упрекнуть,
 Над ним тогда слепое недовольствие довлеет
 И жизни искривляет путь.

Творим судьбу значительно мы сами,
 И выбираем разные пути,
 И не воспользуемся коль Всевышнего дарами,
 То самого себя впоследствии вини.

Смиренно знай: твоё желанье –
 Благое лишь Его посланье,
 И береги восторга бденье,
 И плоти сладостное жженье.

Вела нас прямо в Рай дорога...
Не замечая ничего,
В моих объятьях недотрога
Ласкала страстно, горячо.

Отбросив мнимые покровы,
Цвета невинности вплела
В венок чудесный, моей чтобы
Волшебной феею была.

Наивно вечность постигая,
Ловили счастья сладкий миг,
Огнём любовным содрогая,
Он в одночасье нас настиг!

* * *

Люби и помни все сезоны —
Отбрось ненужные резоны
И вспомни белые снега, -
Как были молоды тогда, -

Весны сиреневый восторг,
И жаркий, пыльный летний смог,
Осенний пышный листопад
И первый хлад у зимних врат.

Ах, вопрошать нам ни к чему:
Куда ушло и почему?!

Пока душа в тиски забот зажата,
 Она молчит, она объята
 Какой-то смутною тоской,
 Неведом ей тогда покой:
 Тревожит чувство ожидания
 Необъяснимого страдания,
 Боязнь грядущего порой.

Не жди, очнётся что сама
 От летаргического сна:
 Ей помощи своим сознаньем,
 Воскресшим как бы вновь желаньем
 Вернуть ушедшие мечты, -
 Чуть приувядшие цветы, -
 Их окропить своим дыханьем.

Рукой небесною ведома,
 Ах, вострепнётся она снова,
 Частично молодость вернёт –
 У прошлого сил подзаймёт,
 Лови тогда порыв мгновенный
 И внове вроде неизменный,
 И... отправляйся с ним в полёт!

Туманит в долах,
Шаманит где-то:
Идёт к нам осень —
Ушло уж лето.

Идёт спокойно
И не украдкой
Походкой смелой
Свободной валкой.

Качает ветви,
Тени милует,
Росой обильной
Травы целует.

Несёт хрустальное
С собой дыханье,
И грёзы длинные,
И... вновь мечтанья...

"

"Нет, не бросай меня, -
Строка молила, -
Ах, разве плохо
Тебе служила?

И днём, и ночью
Была с тобою,
Звала куда-то
Всё за собою.

Твои ведь думы
Я воплощала...
Неужто это
Тебе всё мало?

Служить и дале
Всегда готова –
Неисчерпаемо
Волшебное Слово!"

Чудесной феей
Строка мной правит,
Отныне верно
Уж не оставит!

Ручеёк

Где-то в северной сторонке
Ключ пробился чистый звонкий,
Ручейком малым бежит,
Потихонечку журчит:
"В мои хладные объятья
Побыстрее, сёстры, братья,
Вместе будет веселей,
Ну, быстрее, поживей!"

Братья тотчас прибежали
И сестёр своих позвали –
Стал ручьём наш ручеёк,
От родни большой ведь прок.
По камням он побежал,
Все ручьи к себе позвал:
"Синеокий ручей я –
Все ручьи родня моя!"

Полноводною рекою
Уж течёт ручей, не скроют
Его горы и леса –
Ведь река так широка!
Вот и море, в нём бурливо
Волны ходят шаловливо,
Но речную всё ж волну
Приняли, словно родню.
Ручеёк наш стал гордиться:

"Вот чего я смог добиться,
А ведь малым был ручьём,
Всё сейчас мне нипочём.
Только в море волны вольны,
Своенравны, непокорны,
А мои текут лишь вниз,
Это что же, мой каприз?"

Волны вспять бы повернуть,
Продолжали чтоб свой путь
От широкого низовья
Аж до самого верховья,
Но как сделать это всё же,
Кто мне в этом сейчас поможет?"
Постеснялся просить море —
Оно с ветром вечно в споре.

Тогда к ветру обратился,
Тот к нему оборотился,
Перестал в волненье дуть,
Но не понял, в чём же суть,
Что желает ручей странный,
Что он хочет, своенравный?
Как посмел его просить,
И о чём с ним говорить!

Наш ручей стал извиняться
И тогда ветер, признаться,
Нам то странно до сих пор,
С ним продолжил разговор:
"Хочешь, чтоб против течения,
Дул тотчас без промедленья,
Вспять чтоб воды повернул,
Непрестанно дул и дул?"

Ветру что! он согласился...
Своего ручей добился...
Стала пенится вода
И... течёт уж не туда.
Буруны всюду резвятся,
Стала речка разливаться,
Затопила всё окрест –
Нет нигде сухих уж мест.

И бежит зверьё в испуге,
Рядом недруги и други...
На большой забрались плот,
Что построил шустрый кот.
Долго плыли по реке
Вверх к истоку налегке...
Ах, еды не захватили –
Ведь бежали что есть силы...

Хорошо, что умный кот,
Чтоб спастись от бурных вод,
Плот вместительный построил,
Тем зверьё чуть успокоил.
Есть-то хочется ведь всем,
Вот лиса уж между тем
Косится на зайца рядом,
А он пятится всё задом.

Никуда он не уйдёт,
Если суша только плот;
А кругом вода, вода
И не видны берега.
Стали все молить тут разом,
Ветер чтоб утихнул сразу,
Потекла бы вниз вода,
Как и было то всегда.

Буйный ветер усмехнулся,
На ручья тут обернулся...
А вода уж вниз течёт,
А не вверх – наоборот.
Так же вниз плывёт и плот,
Правит им умело кот:
У него весло большое
Рулевое кормовое.

И спадать стала вода,
Обнажились берега,
И... бултых тотчас все в воду –
Захотелось на свободу,
Надоело на плоту,
Благодарны все коту...
А он важен, даже очень,
Заслужил то, между прочим.

Ручеёк наш стал спокоен
И течёт, собой доволен,
Всем рассказывает он
О событьях прошлом том.

”

Живи и помни солнечный настрой
Минувших чувств благословенных,
Исполненных и счастьем, и тоской,
Запечатлённых в просветлениях мгновенных.

Года бегут, их замечаем всё же.
Ах, неприметно тают где-то там,
Они ведь рядом с нами тоже,
Но что до этого живым беспечным нам!

За временем бежим мы, поспешая,
Оно же ускользает всё быстрее.
Гадаем, что там впереди: ворота Ада, или Рая?
И путь, надеемся, становится всё не короче,
а длинней.

Отрадой дышит твердь земная,
Обнять простор она желая,
Живёт восторгом естества,
И на Всевышнего лишь уповая,
Одета в тогу Божества.

Лелея чудное творенье,
Он безо всякого сомненья
Живую длань* над ней простёр,
И временные создал звенья,
Таинственный души шатёр.

Вдохнул в нее желанье, страсть,
Над нею полную имеет власть,
Душа Его́ лишь только слышит,
Всевышнего, быть может, часть,
Его стремлениями дышит.

Но... время всё же ближе Б-гу,
Он ране ввел в свои чертоги
Мятежное, мятущееся бремя,
Накинул на него таинственную тогу...
Его оно непостижимо Семя...

* - Длань (стар.): рука, ладонь.

И словно бескорыстною струёю
Волшебно орошает всё собою:
Взошло пространством многозвенным,
Напоминая лишь порою,
Кто породил его загадочно-нетленным.

Приди ко мне сон вдохновенья:
 Уйдут печали, а потом
 Исчезнут всякие сомненья
 В отрадном будущем моем.

Чело разгладит светлый облик
 Чего? Кого? – Не знаю сам...
 В моей душе найдет он отклик
 И... приобщуся к чудесам.

Они везде, всмотрися только,
 И ждут уже давным-давно!
 Их повстречал я в жизни столько!
 Иным то было не дано.

Вот вдохновенный образ снова,
 Вещая, пламенно зовет...
 Не надо счастья иного,
 И верую – меня оно найдет!

* * *

Весною внове возрожусь –
Объемлет всё она чудесным цветом,
И осветит дорогу мою пусть
Своим волшебным бесподобным светом.

Она одна меня и приведёт
В тот райский сад вечнозелёный,
И там душа покой найдет,
И не погаснет факел, Им зажжённый.

И вновь любовью обуян,
Брожу я кущею тенистой,
Весною осенён и пьян,
Пою строкой восторженной и чистой.

Живая бьётся в грудь строка,
В душе моей горит,
И сокровенные слова
Неслышно говорит.

В них затаённая печаль,
Небесный вроде стон,
Неведомая будто даль,
Струн вечных перезвон.

Чудно строка их отразит,
Запечатлит перо,
Ум дерзновенный победит
Нетленной рифмы полотно.

Моему слову

Оберну тебя строкою,
Рифмой солнечной украшу,
Выпьем мы тогда с тобою
Счастья творческого чашу.

Поспешишь взлететь высоко
И стихом станешь певучим,
Не забудешься до срока,
Словом Божьим станешь жгучим.

* * * *

Спешит ко мне мгновенье
Ум дерзкий обуздать,
Восторга мановенье
Свободным чувствам дать.

Вдохнули чтобы зорю,
В простор чудной влекли,
Его Святую Волю
Смиренно обрели.

* * * *

Что слышится тебе в строках моих
И чудится сквозь призму ожидания,
О чем поёт тебе мой сокровенный стих?..
И не мечтаешь ли о новом с ним свидании?

Я знаю, ты поймешь меня,
Услышишь рифму сердцем и душою,
Она полюбит, верую, тебя,
Пребудет навсегда с тобою.

Что нам года!?
Они идут своей чредою,
Не ведая суетливых преград,
И что завещано самой судьбою,
Пусть испытать без колебаний
каждый будет рад...

Горжуся тем, что на Земле родился
И видел Небо голубым,
И по возможности с ним воедино слился,
Родным стал, близким мне Иерусалим.

Он – мой, а я – его навечно,
Ничто не сможет разлучить теперь,
Пускай года торопятя себе беспечно,
И открывают внукам в будущее дверь!

Округа знойная устала
Томить несносною жарой,
Горячей радостью безумства напитала,
А ныне... обрела будто покой.

Та радость быстрочечна, мимолетна,
И сладострастна по своей природе что-ль,
Привносит, появляясь незаметно,
С собою также и горячечную боль.

Угомонившись в собственном деянии,
Решилася туманы попросить,
Их благотворное чтоб хладное дыхание
Смогло всё постепенно остудить.

Туман уж легкой пеленою
Округу милую укрыл,
И разговоры утренней порою
Досужие тем самым породил...

Привычное становится обычным
И накрепко срастается с тобой,
И даже, может статься, делается личным —
Ему становишься уж вроде не чужой.

Как тяготят любые перемены,
С годами привыкать к ним все трудней —
Не нужны ни победы, ни измены:
Покоя ищешь средь сумеречных полей.

Но счастлив тот, в ком юный жар теплится,
Надежды прежние живут,
С дороги праведной не позволяют сбиться,
И радость познания дают

Всего того, что вдохновенно возвышает,
Во вне как будто бы живёт,
Но вместе с тем с тобою любит и страдает,
К стремнинам жизненным по-прежнему влечет.

* * *

Платье месяцем украшу,
Звездной мантией укрою,
Счастья солнечную чашу
Мы до дна выпьем с тобою.

Стала ты судьбе желанна,
Мне ж, влюбленному, навечно,
Ах, мечтою была званна,
Дрёмой юною, конечно!

* * *

Хмельные дали искушают,
Они зовут, они... прощают
Былые наши прегрешенья,
Зовут в весну без промедленья.

Укрыты дымкою туманной,
Манят мечтой обетованной,
Лазурью хладною далекой,
Непостижимо-одинокой.

Весна в них внове правит бал
Своим таинством совершенства,
И обещает она нам
Любови страстной верховенство.

* * *

Когда в волнительном сомненье
Я дар Небес преподношу
Нежданной рифмы песнопенье
Нетерпеливому карандашу,

Когда к живительному Небу
Хоть прикоснуся лишь слегка,
Чтобы дало надежды веру,
Со мной осталось навсегда

В душе ли, что, страдая, ищет
Святую Истину впотьмах,
В строке, быть может, что все чище,
Мечтательней в моих стихах.

Когда она гулять устанет
Свободной мыслью во сне,
Являться часто перестанет
В пророческих тенётах* мне,

* тенёта - сеть

И не смогу ей передать,
Что ум ответствовал ревнивый,
Свободной рифмой обуздать
И мыслью одарить пытливой,

Тогда сомкну уста свои,
Не пророню боле ни слова...
Во след потомки пусть мои
Ваять мечтанья начнут снова.

Вольный мотив

Одинокий мотив зазвучал и умолк:
Соловей что ль унес?
Иль завистливый рок?
Но неожиданно явился
Через множество лет –
Он сказать не решился
Окончательно «нет»!

Бережит душу он,
Мысли будит втайне,
Чьей стихией рожден?
Кто послал его мне?

Возвратился к чему?
В юность хочет увести?
Благодарен ему –
От нее прислал весть!

Долго, вольный, блуждал
В тишине хладной там,
Мысль, быть может, занял...
Я ее не отдам!

Свободен?!

Все в прошлом... и земные клетки
Не тяготят более ничуть:
Свободен, как никто на свете, -
Любой открыт в просторах путь.

На небе чёрном звезды праздно
Сулят таинственный покой...
И время сейчас над ним не властно –
Стал сущностью совсем иной.

Простор чарует и ласкает,
Вселенским ритмом напоён,
Свободой полною прельщает
И не чинит препонов он.

Так от чего порой томливой
Его манит Земля назад,
И кажется такою милой...
И ощутить он внове рад

Душистый аромат цветущих вишен,
Осенний запах зябнущих листов,
И прелесть предрассветной тиши,
И зов щебечущих птенцов.

Пылинкой в омуте небесном
Родная плавает Земля,
И нимбом голубым прелестным
Со всех сторон окружена.

Пловец

Все плыву и плыву на волне забытья...
Как качает волна и уносит!
Может, кто-то другой, вовсе вроде не я
У судьбы вдохновения просит.

Несказанно легко на волне почивать —
Невесомое тело в нирване,
Свои годы назад потихоньку считать:
Ощущать себя юным, как ране.

Валом брошен опять в омут жизни своей,
Выгребаюся вновь из пучины,
И как прежде дышу ароматом полей,
И брожу средь холмов без кручины...

Мои холмы

И стремятся холмы в небеса,
Тысячелетиям вслед без печали,
Не от мира сего их краса...
Несравненны воздушные дали.

Для чего их Всевышний создал
В их безгрешном полете туманном?
Или вечный Он знак начертал
Вопреки тысячелетиям жадным?

И летят мои холмы вослед
Суетливым годам неразумным,
Говоря постоянно им «нет»,
Осеня пророчеством чудным.

1

Огонь неистовый в твоих глазах,
Стояю в нем томительно, как прежде,
Приходишь ты ко мне в счастливых снах,
И... забываюсь в упоительной надежде,

Что вновь безумный хоровод
Подхватит вихрем немным...
И из любовных вешних вод
Младым я выйду, обновленным.

2

Ах, это только сон,
Он наших чувств стоит на страже,
Реальней кажется порою даже,
Чем серой жизни пелена,
Что плотной мантией сполна
Все светлы чувства застигает
И душу тайно убивает.

Тихое утро

Тихо, тихо...утро дремлет
Над блаженною землей –
Оно небу только внемлет
И вздыхает лишь порой

Легким ветра дуновеньем
Колыханием ветвей,
Провожая с сожаленьем
Зорю юности своей.

Содержание

Посвящение	5
Глава первая	8
Глава вторая	19
Глава третья	32
Глава четвертая	41
Глава пятая	51
Глава шестая	61
Глава седьмая	71
Глава восьмая	85
Глава девятая	100
Глава десятая	115
Глава одиннадцатая	126
Послесловие	137

Стихи Ави

Омут	148
Осенний мотив	149
Таинство	150
«Падают листья на землю сырую...»	151
«Рождались звуки в тишине хрустальной...»	151
Всевышнего послание	152
Венок любви	153
«Люби и помни все сезоны...»	154
Душевный порыв	155
Близкая осень	156
Волшебная строка	157

Ручеёк	158
Живые года.....	163
«Отрадой дышит твердь земная...».....	164
Сон вдохновенья.....	166
«Весною внове возрожусь...»	167
Сокровенные слова.....	168
Моему слову.....	169
«Спешит ко мне мгновенье...»	170
«Что слышится тебе в строках моих...»	170
«Что нам года!?»	171
«Округа знойная устала...».....(000)..	172
«Привычное становится обычным ...» ...	173
«Платье месяцем украшу...».....	174
«Хмельные дали искушают...»	175
«Когда в волнительном сомненье...»	176
Вольный мотив.....	178
Свободен?!.....	179
Пловец	181
" ..(0000).....	184
«Огонь неистовый...»	183
Тихое утро ...(0000).....	184